

Всемирная история

Алексей ШИШОВ

ВИЛЬГЕЛЬМ I ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ГИБЕЛЬ КОРОЛЕВСТВА АНГЛОСАКСОВ

Всемирная история (Вече)

Алексей Шишов

**Вильгельм I Завоеватель. Гибель
королевства англо-саксов**

«ВЕЧЕ»

2019

Шишов А. В.

Вильгельм I Завоеватель. Гибель королевства англо-саксов /
А. В. Шишов — «ВЕЧЕ», 2019 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8130-7

Незаконнорожденный сын герцога Нормандии, с детских лет познавший, что такое угроза смерти, а в шестнадцать лет ставший венценосцем. Прямой потомок морских разбойников, который с оружием в руках отстоял свое право носить корону... Вильгельм Завоеватель... Покоритель Англии... Человек, деяния которого не на одно столетие определили жизнь Западной Европы. О нем и о его жизни рассказывает эта книга.

ISBN 978-5-4484-8130-7

© Шишов А. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

От автора	6
Часть 1. Пути викингов. Нормандия. Судьбоносность незаконнорожденного Вильгельма. Его грезы об английской короне	8
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алексей Васильевич Шишов
Вильгельм I Завоеватель.
Гибель королевства англосаксов

© Шишов А.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

От автора

Судьба героя этого исторического повествования удивительна и поучительна. Незаконнорожденный (бастард) сын герцога Нормандии, с детских лет познавший смертельную опасность для собственной жизни, в шестнадцать лет стал полноправным венценосцем. Прямой потомок морских разбойников с оружием в руках отстоял свое право владеть короной и быть самодержцем в Нормандии, части французской земли, завоеванной для себя викингами из Скандинавии. Вряд ли его подданные и хронисты в начале его жизненного пути могли подозревать, какое великое будущее ждет рыцарствующего герцога.

Герцог Вильгельм Нормандский к 1066 году навел в собственных владениях образцовый для рыцарского Средневековья порядок. Им были разрушены замки баронов, построенные в период его несовершеннолетия. Введены строгие наказания за нарушения «герцогского мира». Создана единая разветвленная структура местной администрации, во главе которой стояли виконты. Пройдет время, и титул виконта будет отнесен к высшей аристократии ряда европейских стран. В этих отношениях герцог Вильгельм значительно опередил последующие мероприятия французских королей. Можно сказать, что он в своем государственном реформаторстве шел заметно впереди среди прочих монархов и обладателей больших феодалов Западной Европы XI столетия.

Вильгельму Нормандскому, утвердившемуся на отцовском престоле, стало тесно в границах Французского королевства, с монархами которого он не раз встречался на полях брани. Молодое, здоровое самолюбие юного венценосца, мечтающего о великой будущности, подвигло герцога Вильгельма к безумной, как казалось современникам, аванюре – совершить военный поход на противоположный берег пролива Ла-Манш и сокрушить мечами наемного войска, в основе нормандского, Английское королевство.

Из Франции в Англию никто не вторгнулся со времен римских завоеваний тысячу лет. Эту многовековую традицию нарушил герцог Вильгельм Нормандский, поставивший перед собой великую цель – добыть королевскую корону. Завладеть ею означало завоевать Англию, страну народа англосаксов. Вторжение герцогского войска в Туманный Альбион оказалось настолько хорошо продуманным и подготовленным, да еще проведенным в удобнейшее время, что одной большой битвы при Гастингсе оказалось достаточно, чтобы Вильгельм через шесть недель короновался в Вестминстерском соборе.

В летопись европейского Средневековья в 1066 году вошел удивительный факт: герцог Вильгельм с удивительной легкостью покорил Английское королевство, самое сильное государство на Британских островах. Оно пала к ногам Завоевателя с поразительной быстротой и с тем, чтобы не стать для истории «птицей Феникс». После этого судьба Англии резко меняется: нормандцы мечом и огнем принудили ее народ к повиновению, страна, в которой вводились феодальные порядки, зажила под гнетом «Книги страшного суда», а ее военная сила увязла в длительных военных конфликтах на континенте, на земле Французского королевства. Три века местная аристократия говорила на языке завоевателей.

Можно утверждать, что первой страницей летописи новой Англии стало именно нормандское завоевание. Страна как бы приобщилась к Европе – к ее политической и экономической жизни, культуре, дипломатии и, разумеется, к континентальным войнам. Островная отчужденность Британии от европейских дел безвозвратно ушла в прошлое. Теперь ее с континентом связывало много общих проблем и военных конфликтов.

Судьбоносность Вильгельма Завоевателя для современной Великобритании заключается и в ее государственном языке. Если бы не нормандское завоевание, современный английский язык не существовал бы таким, каким мы его сегодня знаем. Он мог бы слегка отличаться от нижнегерманского и голландского языков. Внесение в него французского «оттенка» заметно

изменило язык народа англосаксов. Отсюда можно сделать вывод: если бы не деятельность одного человека на попроще завоеваний, то английский язык, вероятнее всего, не стал бы являться сегодня самым распространенным в мире.

Судьбоносность Вильгельма Завоевателя в истории Британии и Франции заключается еще в одном неоспоримом историческом факте. После его смерти в Европе в течение четырех веков прошла серия больших и малых войн между английскими и французскими королями. Камнем же преткновения для них стала Нормандия и другие владения английской короны на территории современной Франции.

Точкой отсчета этой исторической кровавой драмы, растянувшейся на четыре столетия, стал 1066 год, год вторжения нормандцев на остров через пролив Ла-Манш. Это была целая эпоха, когда Западная Европа делилась на сторонников или противников двух истари враждующих монархий. В итоге англичане были изгнаны с континента, а французский флот на стал сильнейшим на морях, омывающих Европу. Будущая «владычица морей» осталась островной державой, а Франция «консолидировала» нынешнюю свою территорию.

Государство, созданное Вильгельмом I Завоевателем, из островной Англии и материковой Нормандии исторически долго не могло существовать на политической сцене Западной Европы. Поскольку Нормандия географически являлась французской землей, то в конце концов она и стала частью, областью собственно Франции. Англии же в Средневековье пришлось в итоге довольствоваться территориальными приращениями за счет своих островных соседей – Уэльса, Шотландии и Ирландии. На Европейском же континенте английской короне стала принадлежать только Гибралтарская скала, стерегущая вход из Атлантики в Средиземноморье.

Вильгельма Нормандского постигла та же династическая судьба, как и многих подобных ему завоевателей. Владелец двух корон оставил после себя трех сыновей-наследников, не привив им высокого чувства братства. И Роберт Коротконогий, и Вильгельм Рыжий, и Генрих по жизни пошли своими путями, и когда те пересекались, между братьями уже открыто вспыхивала вражда, которая для истории заканчивалась печально и кроваво. Но с другой стороны, наследники Вильгельма Нормандского в жизни старались равняться на великого родителя, на его жизнь, полную поучительных примеров для властвования средневекового рыцарствующего правителя, «варвара-цивилизатора».

Личность Вильгельма Завоевателя, дело его жизни и итоги правления завоевателя Англии по сей день спорны для исследователей. Эта спорность подогревается крайне малым числом достоверных документальных источников той эпохи и большим числом самых противоречивых исторических версий о судьбоносности этого незаурядного человека. Вильгельм так и не стал национальным героем ни Англии, ни Франции, ни родины его предков Скандинавии. Однако, с другой стороны, он лично и его деяния не одно столетие определяли жизнь Западной Европы, как Британских островов, так и континента.

Данная книга является не чем иным, как новым прочтением биографии Вильгельма Завоевателя, обладателя двух корон – герцогской Нормандии и королевской Англии. Каждая новая эпоха требует такого освещения жизни великих личностей мировой истории. Их судьбоносность прослеживается сквозь века, а разбираться в событиях нынешнего дня человеку думающему свойственно с поиска истоков того, что его волнует, тревожит и увлекает.

*Алексей Шишов,
военный историк и писатель, лауреат Международной литературной премии
им. Валентина Пикуля и Всероссийской историко-литературной премии им.
Александра Невского*

Часть 1. Пути викингов. Нормандия. Судьбоносность незаконнорожденного Вильгельма. Его грезы об английской короне

На протяжении трех столетий – в XIII, IX и X веках – Западную Европу захлестнули три волны «варварских» нашествий, каждая из которых пришлась на разные части света. Это были кочевые племена воинственных венгров, пришедших с востока солнца, не менее воинственных арабов, которые из североафриканского Магриба (Туниса, Алжира и Марокко) вторглись через Средиземное море на итальянский юг и Пиренейский полуостров, захватив там почти все территории современных Испании и Португалии. Воинство под зеленым знаменем ислама стало второй волной.

Третья «варварская» волна обрушилась на север Европы (и не только ее север) из Скандинавии. Викинги-язычники, предки современных датчан, норвежцев и шведов (на Руси их звали свеями), были одновременно и воинами, и торговцами, и поселенцами. Они двинулись сперва на восток, на владения Новгородской Руси. Затем пошли по северному маршруту на запад – в Исландию, Гренландию и Северную Америку.

Викинги (или норманны) из норвежских фиордов искали новые земли на все четыре стороны света. Самовластным свободным ярлам (князьям) в конце IX столетия стало ясно, что им не ужиться с королевской властью на земле Норвегии, что их скоро выбросят с земель фиордов и что надо куда-то уходить. Пожалуй, в поисках местожительства больше всего повезло ярлу Оттару из Нидароса, известному персонажу исторических писаний той эпохи.

Повезло, однако, ярлу не сразу. Сперва он отправился на восток и оказался в устье реки Двин-о (Северной Двины), берега которой стали заселять новгородцы. Однако завоевателям не удалось закрепиться там: они были изгнаны с большим уроном в открытое море. Так что поселений викингов на берегах Белого моря российская история не знает. Вождь морских разбойников из норвежского Нидароса не отчаивался: он пошел походом на запад, чтобы там найти новые для себя владения, которые предстояло взять силой.

Оттар, пользуясь политической разрухой в Западной Европе, обосновался со своей дружиной и семьями викингов на французском побережье Ла-Манша, в устье реки Луары. Пришельцы без больших трудностей сломали сопротивление местных жителей и стали обладателями нескольких удобных морских баз. Долгие годы после ярл Оттар со своими викингами терзал атлантическое побережье Европейского континента набегами флотилий драккаров, прежде всего современной Франции.

Умелый морской разбойник не боялся подниматься вверх по реке Лауре на сотни километров, каждый раз забираясь все дальше и дальше в глубинку французской территории. Оттар с дружиной, заметно пополнившейся новобранцами-викингами, изгнанными, как и сам ярл, из норвежских фиордов, брал штурмом, грабил и сжигал такие большие города, как Тур, Нант, Орлеан. Хроники тех лет не находят достаточно слов для описаний бедствий, причиненных Оттаром-вестфольдингом.

Оттар при жизни стал хорошо известен в северной части Европы. Некоторое время ярл был близок к королю саксов Альфреду Великому и не раз бывал в Англии. Просвещенный король вошел в историю еще и тем, что составил описание жизни Оттара в Нидаросе и неудачного завоевательного похода нурманнов на лесные берега Двин-о, в Поморье, земли русичей в современной Архангельской области. Благодаря этому описанию ярл Оттар и вошел в историю.

Укрепившись в устье Луары и усилившись новыми отрядами викингов и драккарами, Оттар ворвался в реку Сену и захватил землю Брэй, расположенную в бассейнах рек Эптэ и Анделль, притоков Сены. Эта земля стала его новым владением. Ярл превратился в сеньо-

ра-«короля», никогда не оставлявшего, даже для вида, замашек морского разбойника. Он не уставал разбойничать на морских и речных берегах Франции и Англии, повсюду ища добычи, пленников-рабов и славы викинга.

Оттар кончил жизнь на поле брани. Уже будучи глубоким стариком, в 911 году, бывший хозяин Нидароса пал в битве при Бодансфиэльде, в Англии, близ реки Северн. Созданное его кровавыми трудами феодальное владение Брэй просуществовало до начала XII века, то есть более трех столетий. Оно было отобрано у потомков Оттара французским королем Филиппом Августом.

Ярл Оттар стал героем не одного литературного произведения. Писатель-историк Валентин Иванов отмечал: «Ни одна хроника, ни одна летопись не может сообщить ни одного дела, которое Оттар или его потомки совершили для блага людей...»

...В IX веке главный удар викингских атак с моря пришелся на Британские острова, северную Францию и Голландию. Собственно Британия стала переживать грабительские набеги данов – собственно датчан и норвежцев еще с конца предыдущего столетия. Тех и других обычно называют норманнами. На Англию, на ее англосаксонские королевства нападали датские викинги, норвежцы же ходили в морские набеги на Шотландию и Ирландию, в которой на побережье имелось немало богатых монастырей, плохо укрепленных и не способных к самозащите.

Викинги (норманны) на протяжении первых двух веков морского разбоя не подвергали нападениям с континента Англию. То ли ветер надувал паруса драккаров в ее сторону, то ли скандинавы не спешили ходить с оружием туда, где могли получить достойный отпор. Во всяком случае, впервые датские корабли были замечены в английских водах только в 789 году. Думается, что это была, если так можно выразиться, стратегическая разведка грабителей-данов, которые искали новые места с богатой поживой. Действительно, последующие события не заставили себя долго ждать.

В 793 году язычники викинги-датчане (или норвежцы) ограбили и разрушили монастырь в Линдисфарне, который считался главным религиозным и культурным центром Нортумбрии. Этот монастырь славился своим христианским благочестием и ученостью, а его монахи были известны далеко за пределами Британии. Их судьба в тот трагический день видится плачевной. Часть безоружных служителей монастыря викинги просто перебили. Часть людей, помоложе, увели на драккары в качестве рабов. Спасти, и то случайно, удалось немногим монахам Линдисфарне.

В Линдисфарнском монастыре пришельцы из Дании уничтожили много великолепных образцов рукописного искусства: евангелия отличались тонкостью работы, красками миниатюр и орнаментом. Рукописные книги не привлекали на удивление расчетливых грабителей, для которых самой ценной добычей являлось серебро в любом виде: сосудах, крестах, украшениях, слитках и даже... в виде прозаического лома.

Собственно говоря, когда серебряные вещи делились между участниками разбоя, то их часто просто ломали или разрубали на примерно равные части, то есть на доли. Подобные серебряные клады викингов, порой значительные по весу драгоценного металла, часто находили и продолжают находить в Швеции, Дании и других местах, где удачливые герои морского разбоя обитали хотя бы временно.

Когда викинги (норманны, варяги) уходили в новый разбойный поход, они тайно доверяли свои награбленные сокровища не близким людям, а земле. Если люди гибли в битвах или с драккарами в штормовом море, то такие тайники превращались в клады для будущих поколений. Находили же их почти всегда случайно, если не считать сокровищ в захоронениях знатных викингов. Но такие курганы подвергались разграблению еще в далекой древности, и в наше время такие находки считаются счастливой случайностью.

Мерсийский король Офф, в то время, пожалуй, самый влиятельный из правителей англо-саксов, упорно сопротивлялся викингам. Но после его смерти в 796 году набеги датчан на восточные берега Англии участились. Мореходные суда-драккары викингов (на Руси их звали варягами, а Балтийское море – Варяжским) от берегов Датского королевства шли на заход солнца по прямой, упираясь в конце пути в берега Англии.

Исследователи считают, что скандинавское давление на Британские острова, то есть на собственно Англию, Шотландию, Ирландию и прочие территории, усилилось в 830–840-е годы. Вторжениям викингов, которые носили откровенно грабительский характер, в то пору стало подвергаться все побережье Британии. Не менее легко норманны на своих неглубоко сидящих в воде дракарах (или пешими дружинами) проникали внутрь островов по рекам, озерам и шхерам.

На Британских островах воинственные пришельцы из Скандинавии столкнулись с потомками германцев, давно, со времен Рима, растерявшими свою воинственность и, несомненно, высокие боевые навыки. Историк Ганс Дельбрюк пишет о населении Англии к началу вторжениям на ее берега норманнов так:

«Германцы, жившие на Британском острове, называли себя, поскольку мы можем это проследить, “англы” или “англы племя”, “англы род”, а не англосаксами или саксами. Обозначение англосаксы” – более ученого происхождения, и в старых источниках употребляется крайне редко. В эпоху покорения англосаксов норманнами современники говорят не о саксах и норманнах, а об англах и франках.

(Историк) Фриман с самого начала называет государство и народ “Англия” и “англичане” и полемизирует против употребления “англосаксы”, так как это вызывает представление, что английская нация только из смешения англосаксонских и норманнских элементов. В действительности это, по его мнению, та же нация... только впитавшая в себя некоторые чуждые элементы – бриттов, датчан, норманнов, но не настолько чувствительно, чтобы претендовать на непрерывную преемственность.

Правильным является противоположное понимание, а именно, что английский народ со своим своеобразным характером и языком возник только благодаря норманнскому завоеванию и господству правящего, по-французски говорящего слоя, над прежней германской государственностью, которая, конечно, благодаря остаткам покоренного древнебританского населения и влияния церкви впитала в себя также и романские элементы.

Как ни мала была численность офранцузенных норманнов и французов, действительно населенных покорителем и его преемниками, все же они правили и придавали свой характер, свои обычаи, свои законы и свой дух – подобно тому, как некогда немногочисленные франки, занявшие при Меровингах внутреннюю Галлию и слившиеся с покоренным населением в одно целое.

Может быть, англосаксонский элемент количественно продолжал дольше жить, чем галльско-романский во Франции, но процесс по существу был тот же. Поэтому лучшим определением этого положения является название этого периода не английским, а англосаксонским; тем не менее, обозначение “англосаксонский” не особенно удачно, так как англы являлись частью саксов, хотя это нельзя обосновать древнейшими источниками...»

Но прежде чем норманнское завоевание «обновило» англосаксов и собственно Британию, им пришлось пройти долгий путь исторических, обычно кровавых военных испытаний. Нормандия, возникшая на севере Французского королевства, станет последним испытанием на морских путях завоевания Англии. Самый сильный удар саксы и англы в их числе получили с берегов современных Дании и Норвегии.

Однако «осваивать» Англию с ее многими королевствами викинги-даны и норвежцы стали не сразу. Для начала они захватили и колонизовали Шетландские и Фарерские острова, которые явились удобной базой для морских разбойников. Там можно было передохнуть после

трудного перехода по штормовому Северному морю, когда люди изматывались, сидя на веслах. Острова могли стать в случае опасности надежными убежищами. Там производился необходимый ремонт драккаров (менялись сломанные в бурю мачты, конопатились щели в бортах и днищах судов, менялись паруса и весла).

Туда же свозились награбленное добро, обращенные в рабов пленные: в этом случае Шетландские и Фарерские острова становились на морских путях разбойного народа данов (вернее – его части) перевалочными пунктами. В укромных местах до поры до времени прятались сокровища. И в местах стоянок драккаров викинги устраивали шумные пиршества по случаю удачных набегов и взятия богатой добычи.

Все же не Англия была желанной землей в поисках богатой добычи для викингов из Скандинавии, а Ирландия. Она и стала основным объектом для набегов норвежцев (в первую очередь) и отчасти датчан. Викинги (норманны) в середине IX века захватили прибрежные районы Ирландии, а также северные районы Шотландии и ее западное побережье, более заселенное, чем восточное. Они так прочно обосновались на северных островах Британии и в северо-восточном шотландском Кейтнесе, что в этих областях говорили на диалекте норвежского языка еще в XVI–XVIII веках.

Одним из самых известных набегов викингов той поры историки считают нападение на густо населенный остров Иона в 795 году. Годом раньше был разграблен остров Ратлин. Монастырь на острове Иона, богатый и хорошо укрепленный, морским разбойникам удалось разграбить только в 802 году.

Когда же «Зеленый остров» перестал давать «достойную» добычу, морские разбойники обрушились в набегах на северное побережье Франции, заходя по рекам все на тех же драккарах в самую глубь страны, добираясь по реке Сене до города Парижа. Огибая с запада Европейский континент, норманны стали грабить берега и южной Франции.

Викинги (норманны) в истории смотрятся как рачительные и умелые грабители, поскольку это было их родовым мастерством. Города, монастыри и селения грабились ими нещадно. Захваченных в плен людей обращали в рабство, вывозя в Скандинавию. Даны повсеместно восстанавливали языческую веру и истребляли христианское духовенство.

Страх перед викингами, неожиданно появлявшимися у морских берегов на своих прославленных драккарах целыми флотилиями, был огромен. Та европейская эпоха полнится такими событиями. Одного слуха о появлении дружин викингов было достаточно, чтобы местное население, бросая все и унося с собой немного, бежало в леса (благо их было много), болота и горы, ища там спасения от жестокого воинства.

Опустошив французские побережья, даны с 30-х годов IX столетия участвовали в набегах и на берега Англии, на такие ее исторические области, как северная Нортумбрия, южные Уэссекс и Суссекс, западные Мерсия, Кент и Эссекс. Набеги морских разбойников сопровождались убийствами местных жителей, грабежом и сожжением их селений. Англия стала желанной добычей для викингов в силу своей раздробленности, государственной слабости, то есть многоцарствия.

Первыми на английскую землю пришли викинги-норвежцы. Они стали подступать к ней из Уэльса, на который, начав с острова Англси, стали совершать набеги из Ирландии, в любое время года беспрепятственно преодолевая внутреннее море Британских островов – Ирландское. В 868 году викинги удачно для себя разграбили королевскую резиденцию самого могущественного валлийского правителя – Гвинедда, взяв в его замке богатую добычу и без особых чувствительных потерь в людях вернувшись на «Зеленый остров».

Затем, в 870 году, дублинский король (столица современной Ирландии город Дублин был основан викингами) Олаф обосновался в южной шотландской области Стратклайде, захватив здесь Дамбартон. Отсюда норвежские викинги стали совершать набеги на северо-западные прибрежные районы Англии.

Всего за два первых десятилетия X века норвежцы заселили, частично потеснив местных жителей, побережье северо-западной Англии. Дублинские викинги (норманны) в 902 году с боем захватили Виррел, сделав их своим опорным пунктом на английском берегу (в его северной части, Камбрии) Ирландского моря. Поныне названия скандинавских поселений с типичными окончаниями на -би, -скейл и -твейт во множестве встречаются в Камбрии и прибрежных областях Ланкашира.

Датчане, в отличие от викингов-норвежцев, оказывали усиленное «давление» со стороны моря на побережье южной и восточной Англии, сделав эти области местом их разбойных «интересов». Но так продолжалось недолго, всего несколько десятилетий. Начиная с середины IX столетия даны стали заниматься не просто грабежом прибрежных поселений, а «освоением» новых земель на английской территории. «Освоение» (вернее – колонизация) шло с прицелом на длительное время, или, лучше, навсегда.

Датские викинги действовали как средневековые захватчики, покоряя местное население – англосаксов мечом и огнем. Первоначально даны закрепились в северо-восточной части Англии – в 850 году в Тенете и в 854 году в Шеппи. Местные жители, как правило, встречало новых хозяев земли с оружием в руках, но викинги демонстрировали не только известное в истории бесстрашие, но и умение сражаться, и лучшее оружие нападения и защиты, и лучшую тактику ведения боя на суше и на воде.

Датское вторжение в Англию приняло «глобальный» характер после того, как «великая армия» данов прекратила завоевания в северной Франции и повернула армаду своих мореходных судов к побережью восточной Англии. Сюда датские викинги вторглись в 865 году. Удача сопутствовала им. В 866–867 годах вторжению норманнов подвергся Йоркшир, центр которого Йорк в ту эпоху являлся одним из самых крупных английских городов. Норманны захватили его в 866 году. Англосаксы повсеместно оказывали завоевателям отчаянное сопротивление, но часто не могли ни защитить себя, ни изгнать данов «за море».

Южная область Англии Уэссекс успешно отразила сильные датские вторжения 838 и 851 годов. Но викинги не унимались, настойчиво добиваясь желаемого, благо морской путь к английским берегам им был уже хорошо изведан. Обращенные в бегство, они, спустя несколько лет, вновь собирались в поход, но уже с большими силами.

В 871 году мужественно державшийся перед угрозой постоянного вражеского вторжения через пролив Ла-Манш уэссекский король Альфред (правивший с этого года по 899 год) оказался в критическом положении. Его войско было обескровлено, а много прибрежных поселений разорено и сожжено. Альфред был вынужден согласиться на выплату дани морским разбойникам-данам. На такой шаг он пошел ради спасения собственного королевства.

Решив вопрос дани с Уэссекса, то есть с южной Англии, датские викинги обрушились на Мерсию, центральную историческую область Англии. Она была завоевана язычниками данами в 874 году. Мерийский король Бургред был разбит в решающей битве при Рептоне (его воины, вооруженные топорами и деревянными щитами, не выдержали ярости атакующего врага) и бежал из Англии в Италию, в папский Рим, где нашел приют.

Мерсийский престол достался Кеовульффу, который, не продолжая войну, согласился стать данником датских викингов. Тех вполне устраивал исход дела: если раньше они силой оружия добывали себе военную добычу, то теперь она приходила им в руки в виде богатой дани с нового короля Мерсии. Кровь за нее проливаться не приходилось.

В 877 году мерсийские области к востоку и северу от Уртлинг-Стрит перешли под власть чужеземцев-датчан. Даны, опираясь на силу своего оружия, стали хозяевами этих земель англосаксов, которые с известной ненавистью относились к завоевателям.

Теперь предводителей данов стала не устраивать дань, которую они получали с южного Уэссекса уже на протяжении шести лет. В 877 году сильное войско викингов совершило внезапное нападение на Уэссекс. Король Альфред не успел собрать ополчение и, спасаясь от пре-

следователей, с остатками личной дружины бежал в известные природной глушью сомерсетские болота.

Укрывшись там, король Альфред через верных ему людей сумел собрать ополчения поданных, стянуть их воедино и возобновить войну с завоевателями. После этого противники сошлись в битве при Эдингтоне, которая состоялась в 878 году. Королевское войско (местные ополчения и личные дружины уэссекской знати) нанесло «знатное» поражение датским викингам: те не устояли под яростью нападавших.

За этой победой англосаксов Уэссекса последовали переговоры между сторонами и заключение мира. Однако этот мир победным для короля Альфреда назвать трудно: к датчанам переходила область, получившая название Данелаг – область датского права. После этого наступление датских викингов на Уэссекс остановилось: они основательно закрепились на южном берегу Англии.

Следует заметить, что датчане, как и викинги-норвежцы, прочно закреплялись на завоеванных землях не только Британских островов. На новые места жительства из Скандинавии приходили переселенцы. Что же касается английского Данелага, то исследователи до сих пор спорят о соотношении здесь в конце IX столетия датского и англосакского населения. Ряд историков считают, что викинги-даны стремились к политической власти на завоеванных местах, а не к заселению их сородичами.

Такой авторитетный ученый, как Джереми Блэк, в своей «Истории Британских островов» отмечал касательно последствий уступки короля Альфреда завоевателям следующее: «Концентрация датских топонимов в отдельных частях Данелага свидетельствует о плотной, но фрагментарной колонизации. Изучение ДНК населения этой области показывает сохранение викингской наследственности до наших дней».

Последующие события в Англии продемонстрировали, что уступка викингам Данелага была лишь тактическим ходом короля Альфреда. Ему требовалось в тот год остановить наступление датчан на Уэссекс. Вскоре, собравшись с силами, он перешел в наступление и в 886 году захватил Лондон, самый значимый город на берегах Темзы, то есть в южной Англии.

Король Альфред оказался заметной фигурой в начальном европейском Средневековье. Он стал, напрягая все свои возможности, укреплять Уэссекс, у которого при нем появился военный флот, пусть и не столь многочисленный, но способный заниматься крейсерством в проливе Ла-Манш и перевозить войска. В королевстве была устроена в важных пунктах сеть бургов, то есть укрепленных городов. Крепостная стена бургов представляла из себя ров (часто заполненный водой), высокий земляной вал и деревянную стену на нем с башнями и воротами с подъемными мостами через ров.

Завоеватели-даны оказались не готовы к такому повороту событий на английском юге. Фортификационные новшества короля Альфреда и его флот послужили англосаксам самую хорошую службу: они отразили походы викингов на Уэссекс в 892–896 годах.

Викинги-норвежцы не смогли в те годы оказать помощь союзникам-датчанам: на «Зеленом острове» набирало силу сопротивление ирландцев норвежцам. В конце концов их прижали к базам на побережье и в 902 году изгнали из портового Дублина. Только через пятнадцать лет викинги смогли вернуть себе этот город, главную их точку опоры на берегах Ирландского моря.

В истории средневековой Англии, перед ее завоеванием герцогом Вильгельмом Нормандским, король Альфред явился самой значимой фигурой на местной политической сцене. Британские исследователи достаточно единодушно дают его царствованию в Уэссексе самую высокую оценку:

«Альфред много сделал для создания настоящего христианского государства. Он составил свод законов, начал чеканить хорошую монету (явный признак процветающей державы), придал королевской власти христианский вид, поощрял образование и создал школы, чтобы из них выходили священники и миряне, способные стать мудрыми и справедливыми настав-

никами и судьями. Он установил в королевстве мир и правопорядок, благодаря которым оно смогло выстоять под натиском датчан и победить их.

Желая оставить свое имя в памяти потомков, Альфред приказал епископу Ассеру составить свое жизнеописание, «Житие короля Альфреда» (893 г.). В этой биографии автор особо подчеркивает набожность и терпение короля, представляя королевскую власть в истинно христианском свете».

Мудрый для своей эпохи монарх Альфред ушел из жизни в 899 году. Ему в истории повезло еще и тем, что его преемники наследовали тот политический курс, который он строил в последние годы своего недолгого царствования. Альфред оказался «светлым лицом» в английской истории Средневековья, когда Британии еще не грозил приход завоевателей с французского берега Ла-Манша.

Конец IX столетия видится временем консолидации сил жителей Британских островов перед нашествием викингов, предшественников норманнов. История Великобритании констатирует следующее: «Борьба с викингами сыграла решающую роль в развитии английского государства, точно так же, как викингские вторжения в Шотландию отчасти способствовали усилению и возвышению королевства скоттов».

Противостояние вторжениям морских разбойников из Скандинавии, междоусобицы в самой Британии привели к исчезновению ряда царствующих англосаксонских династий. Именно последнее обстоятельство позволило, или, вернее, подтолкнуло Альфреда и его род объявить себя «английскими», а не только «уэссекскими» королями. Теперь царствующая в Уэссексе, то есть в южной Англии, династия стала претендовать на главенство во всей Англии. Но это главенство следовало еще и добыть силой оружия.

Английские историки прошлого и настоящего видят роль короля Альфреда в противостоянии нашествию викингов в том, что он исполнял роль защитника христианства и всех англосаксов от язычников-данов. Именно эта борьба, порой неравная, позволила ему создать новую модель государства в раннем европейском Средневековье. Оно получило при нем новое устройство, новую внутреннюю и внешнюю политику.

Преемники Альфреда на королевском престоле Уэссекса повели наступление на датчан и норвежцев, что в истории Великобритании можно вполне определенно назвать реконкистой. То есть речь шла об изгнании вооруженной рукой воинственных чужеземцев с земли англосаксов. Однако суть таких действий в равной степени шла и о присоединении к Уэссексу новых земель в Англии, а не о возвращении ранее утраченных. В ходе таких войн короли Уэссекса распространили свою власть почти на всю территорию современной Англии. То есть освободители становились в одночасье и покорителями.

Альфреду в истории повезло тем, что ему наследовали способные воители и умелые правители из его царствующего рода. Это были Эдуард Старший (правивший с 899 по 924 год), его сестра Этельфледа, правительница Мерсии с 911 по 918 год, Ательстан (правивший с 924 по 939 год) и Эдмунд, владевший королевской короной Уэссекса с 939 года по 946 год. Они сумели, по сути дела, объединить Англию и сделать ее опасной для скандинавов на Британских островах.

Создав сильное войско, основой которого являлось уэссекское ополчение свободных англосаксов, эти монархи захватили восточную Англию, а также отобрали у датчан Мерсию и Нортумбрию. Западная часть Мерсии вошла в состав Уэссекса в 918 году при Этельфледе. После этого Мерсия исчезла, как самостоятельное государство, с карты Англии.

Правительница Этельфледа оказалась на редкость воинственной королевой из рода Альфреда, естественно, в масштабах английского Средневековья. Она присоединила к своим владениям Дерби и установила контроль над Лестером. Хотя хронисты, авторы англосаксонской хроники, и приписывают эти завоевательные деяния не ей, а ее брату, королю Эдуарду.

Пожалуй, впервые с начала своих вторжений на Британские острова викинги-даны оказались в таком незавидном положении. Они были побеждены, однако короли Уэссекса разрешили им удержать заселенные датчанами прибрежные земли. Область датского права – Данелаг сохранила свои законы. Но в итоге язычникам-датчанам в Англии пришлось принять христианство и признать верховную власть королей Уэссекса.

Расширение власти Уэссекса в Британии давалось его монархам с немалым трудом. Борьба за единство Англии в русле войн с викингами-данами смотрится в истории упорной и кровопролитной. Особенно много времени и сил ушло на завоевание северных районов, с графствами Мерсии все обстояло намного проще. Они не выдерживали ударов уэссекского войска и обычно после непродолжительного сопротивления признавали над собой верховную власть рода короля Альфреда.

Однако иначе обстояли дела в викингском королевстве со столицей в городе Йорке. Местные даны получили военную помощь с Зеленого острова от викингов Дублина. Однако Уэссекс к 920 году взял верх и на британском севере. По сведениям уэссекских хронистов, власть короля Эдуарда Старшего признали правители Шотландии, Йорка и той части Нортумбрии к северу от Тиса, которая не попала под власть датских викингов. Подчинились монаху Уэссекса и стратклайдские бритты, потомки древнего населения Англии, покоренные англосаксами.

Когда Эдуарда Старшего на престоле сменил не менее воинственный Ательстан, его стало не устраивать положение, когда датчане и шотландцы признавали только его главенство. Он во главе войска Уэссекса пошел на Йорк и в 927 году взял столицу английских датов. В 934 году венценосный полководец Ательстан пошел походом на Шотландию и несколько лет воевал в ее пределах.

Поход пешей армии Уэссекса на север Британии привел к тому, что оказавшиеся под ударом скотты, стратклайдские бритты и норвежские викинги Ирландии объединились в войне против короля Ательстана. Решающая битва уэссекцев и союзников произошла в 937 году при Брунанбурге. Королевская рать одержала в ней верх, после чего война утихла.

История не сохранила каких-то подробностей об этом сражении, кроме того, что победителем в нем стал король Ательстан, который упрочил свою личную власть в Британии. Если судить по его хартиям, он стал с той поры считать себя монархом (верховным королем) всей Англии. Это дало ему право заключать союзы с государями Западной Европы, посылать к их дворам посольства.

Ательстан правил пятнадцать лет, не позволяя никому в Англии сомневаться в его верховной власти. Однако его смерть сразу же изменила политическую карту Англии. Король Дублина Олаф II, собрав на «Зеленом острове» сильное викингское войско, совершил поход в северные районы, объединился с местными данами и захватил не только город Йорк, но и графства северной Мерсии. Казалось, что главенству Уэссекса в Англии пришел конец.

Викинги Ирландии вместе со своим предводителем Олафом II опасно просчитались, начав войну из-за моря с Уэссексом. Война приняла затяжной характер, и в 954 году род короля Альфреда вернул себе город Йорк, вокруг которого в английское Средневековье постоянно горели военные страсти. Овладение Йорком было связано с одним немаловажным событием: его последний король из норвежских викингов Эрик Кровавый Топор (прозвище говорит само за себя) попал в хитроумно устроенную засаду и погиб в короткой схватке. Такое событие на войне позволило уэссекской династии стать действительно главенствующей на земле Британии.

После присоединения Йорка уэссекский король Эдред, правивший с 946 по 955 год, мог с полным правом считать себя английским монархом. Достойных соперников у него не находилось, викинги-даны на него меч больше не обнажали. Англосаксы на местах признали верховную власть Эдреда и исполняли королевские указы без особых возмущений его самоуправством.

Наследовавший престол Уэссекса Эдгар, правивший с 959 по 975 год, задумался над тем, как ему на законном основании стать монархом всей Англии. Эту проблему он разрешил в 973 году устройством пышной церемонии в Бате (уэссекском городе близ границы с Уэльсом), в котором он первым из всех властителей Британии короновался как король всех англичан.

К слову сказать, этот титул в истории Британских островов до него уже использовался дважды. Сперва так стал именовать себя король дублинских викингов норвежец Олаф II. Затем этим титулом пользовался в своих хартиях король Уэссекса Ательстан, «забывший», однако, узаконить это коронационной церемонией. Можно утверждать, что в данном случае и Олаф II, и Ательстан были прозаическими самозванцами, поскольку в мировую историю королями Англии они не попали.

Считается, что коронация в городе Бате уэссекца Эдгара «имела огромное значение для формирования единой английской нации», основой которой являлись не бритты и датчане, а англосаксы. Историк Джэреми Блэк по этому поводу отмечал следующее:

«Вероятно, вследствие кароллингского влияния (французской династии, основанной Карлом Великим), особенно представлений о христианской империи, сформулированных Ионой Орлеанским и Гинкмаром Реймским, которые оказали воздействие на Ательстана и Эдгара, в X веке в Уэссексе установилось понятие государственного устройства, отличное от прежних взглядов на государство, как на объединение королевств, характерных, например, для Мерсии времен Оффы.

В период от Альфреда до Эдгара были заложены основы английской державы, которая не определялась и не сдерживалась только очерченными этническими или географическими границами...»

При короле Эдгаре чеканка английской монеты получила новое звучание. Она «пересматривалась» каждые шесть лет. Качество чеканки каждый раз улучшалось, вес серебряной монеты фиксировался для той эпохи весьма строго. Эти несомненные достоинства делали английскую монету привлекательной европейской валютой, чего не могло быть, скажем, веком ранее.

Так расширившийся территориально южный Уэссекс стал гегемоном на английской земле. В истории Великобритании в скором времени появилась уэссекская династия, о чем будет рассказано ниже. Правда, уже в самом начале своего исторического пути она будет низвергнута мечом Вильгельма Завоевателя, пришельца с континентальной Нормандии, прямого потомка морских разбойников, скандинавских викингов.

История свидетельствует, что французская Нормандия, начиная с 911 года (дата создания герцогства), являлась настоящим военным лагерем, от нее исходила угроза и ближним, и дальним соседям. Из этой области современной Франции в XI веке Европу потрясло два предприятия. Одно было начато в середине столетия нормандским рыцарем Робертом Гвискаром по покорению южной Италии. Вторым предприятием стало завоевание самим герцогом Нормандским Вильгельмом I Англии в 1066 году.

Показательно, что оба этих похода начинались как морские экспедиции силами огромной мореходной флотилии с тысячными десантными войсками. То есть это был чисто варяжский тактический прием, прием скандинавских викингов, основательно отработанный в эпоху Средневековья.

Нормандия к началу правления герцога Вильгельма действительно представляла собой большое феодальное владение, хорошо устроенное, как военная организация. Под давлением непрерывной военной опасности, грозившей от набегов кого угодно, герцоги Нормандии (сами совершавшие набеги не меньше других подобных себе и не менее воинственных сеньоров) должны были строить замки и бурги, сажая туда военных людей.

Эти военные люди становились вассалами высшей аристократической знати. Такой владелец давал своему военному человеку «феод» (или «лен»). Эти слова (по-латыни и по-французски; по-немецки) означали и заем, и кредитное обязательство. Так как у первых герцогов Нормандии не имелось казны, то они не могли вознаграждать своих воинов, приближенных к себе, денежным жалованьем. Определенная доля военной добычи в денежное вознаграждение за верную воинскую службу не входила. Да и к тому же она была случайной (по случаю войны или военного похода) частью награждения сеньорами своих вассалов.

Поэтому герцоги Нормандии, равно и как другие люди высшей знати, давали своим военнослужащим как бы займы, то есть в кредит, доходную статью. Причем заранее обуславливалось, что этот доход будет собирать само заинтересованное лицо. Чем больше соберет, тем больше получит от имени своего сюзерена (герцогов и графов).

Иначе говоря, правитель герцогства давал своему приближенному или отличившемуся воину «феод» или «лен». Это была награда владетельного феодала своему вассалу. По большей части она представляла из себя участок земли с поселениями крестьян (или ремесленников), которые обязывались кормить и содержать своего владельца продуктами своего труда.

Получение феодала могло означать пост оберегателя речной переправы (моста, брода) или горного перевала на торговом пути. Такой военный человек обязан был охранять купцов от грабежа, но при этом он получал в качестве оплаты за оказанную услугу часть ввозимого товара. Феодом могли быть и обязанности судьи, за исполнение которых вассал получал определенный доход. Ему же поручалось взимание штрафов в своем судебном округе. Но все же феод в виде земельного участка и с крестьянами на нем являлись главным вознаграждением воина-вассала аристократии Европы, в том числе и герцогов Нормандии, начиная с 911 года.

Считается, что система награждения феодами сложилась в Западной Европе (и в Нормандии тоже) в XI веке, придя в упадок через два столетия. Герцог Вильгельм I Завоеватель занимался устройством «феодализма» сперва на континенте, в Нормандии, а затем на острове, в Англии.

Иерархическая лестница различала феодалов по богатству и силе (военной). Высший их слой в лице сеньоров с титулами герцогов и графов (во Франции той поры) был вполне независимым от королей. Они не только собирали налоги в свою пользу, но даже чеканили собственную монету, как, например, это делали герцог Нормандский или граф Тулузский. Они имели сотни селений, города (в том числе портовые), десятки укрепленных замков и в случае войны или военного конфликта могли выставить тысячи воинов, в том числе своих вассальных феодалов, собственные дружины, крепостные гарнизоны, ополченцев и наемников. Число наемных воинов зависело от денежных возможностей правителя и того, что он мог пообещать наемным отрядам.

Нормандия, как и другие герцогства и графства, делилась на так называемые баронии (или замковые округа). Бароны являлись главными вассалами правителя Нормандии. Слово «барон» с французского переводится как «свободный». В Италии их называли «капитанами», в Испании – «богатыми людьми», а в Англии – «лордами». Бароны могли владеть не одним, а несколькими укрепленными замками, иметь несколько десятков селений и на войну водили за собой целый воинский отряд, конный или пеший.

Имелся еще и третий, самый низший слой феодалов, то есть владельцев феодалов. Это были господские слуги, повышенные за заслуги в воинском звании. Поскольку они относились к числу самых небогатых владельцев феодалов, то по своему положению они стояли намного ниже баронов. Такой мелкий вассал мог владеть одним небольшим поселением или частью его. Иногда феодалом такого человека-воина была одна-единственная сторожевая башня.

Такие мелкие феодалы несли службу личного характера своему господину. Он мог явиться к нему для участия в военном походе один (то есть назывался «воином со щитом») или в сопровождении немногих собственных слуг, оруженосцев.

Такие самые мелкие феодалы служили всегда на коне, составляя личную дружину герцога или графа. Их называли «рыцарями», то есть всадниками. Рыцаря Средневековья отличало от простого конного воина дорогостоящее защитное вооружение. В него входили металлический шлем, тяжелый металлический панцирь или более удобная в бою и в походе кольчуга, которая представляла собой длинную рубашку из проволок с тесно насаженными на них мелкими стальными кольцами. Отсюда и название – кольчужная рубашка.

Вассальная служба в Нормандии, как и во всем Французском королевстве, состояла из двух частей: военной и судебной. Военная часть состояла в защите крепостей герцогства и участия в военных походах или грабительских набегах. Однако в таких случаях вассал служил своему господину (сеньору) известный срок, обыкновенно 40 дней. Но не далее пределов известного округа, частью которого являлся данный ему за службу феодал, прежде всего земельный.

Вассал имел право отказаться от участия в военном походе сверх установленного срока и вне окружных пределов. В противном случае его сюзерен, будь то герцог или граф, должен был как-то оплатить ему «сверхурочную» службу за время и дальность несения воинской службы в условиях военных действий.

Помимо разных военных случаев, вассал обязан был ежегодно прибывать ко двору своего сюзерена (в его «курию») к трем большим праздникам – Рождеству, Пасхе и Троице (или Пятидесятнице). В эти дни решались наиболее важные дела герцогства или графства. Помимо этого, вассал (рыцарь, барон) обязан был лично участвовать в судебных делах, где сеньор разбирал самого разного рода конфликты между своими вассалами.

В вассальные обязанности входил прием у себя сюзерена и его свиты, когда тот совершал объезд своих владений или охотился. В случае если сеньор оказывался в плену, его вассалы собирали со своего феодала определенные денежные суммы для выкупа. Деньги с владельцев феодала собирались господином и в целом ряде других случаев, как-то: выдачи замуж дочери (на приданое) или посвящения сына в рыцари (на застолье).

Самым спокойным, как то ни странно, временем управления Нормандии для ее герцогов являлось время войн и военных походов. Когда их не было, бароны и рыцари откровенно скучали, то есть тяготились мирным временем с его хозяйственными заботами и судебными тяжбами. Поскучав некоторое время, они начинали задираться со своими соседями, такими же владельцами феодалов. Это в ту эпоху считалось особым правом частной войны, то есть такое не осуждалось «обществом». Возникали междоусобицы, месть за прошлые обиды и взаимные грабительские набеги, от которых страдали, в первую очередь, крестьяне и незащищенные селения.

Во всех этих случаях бароны или рыцари «от всей души» и без излишнего угрызения совести старались испортить врагу то, что приносило ему личные доходы: портились посевы, вырубались виноградники и плодовые деревья, угонялись стада, все, что было только можно, предавалось всепоглощающему огню. Порой разрушения в феоде противной стороны носили вполне бессмысленный и дикий характер, как, например, порча колодцев и дорог, истребление мостов и диких животных в лесах. И избиение мирных людей.

Мелкий рыцарь, естественно, не мог совершить такой разбойный набег на своего врага-соседа, такого же мелкопоместного феодала. Он враждовал по-своему: устраивал засаду на повороте дороге, у брода, в овраге и лесной чащобе. Во всех случаях грабились проезжие купцы, по воле случая оказавшиеся в «зоне» феодальных междоусобиц. Торговых путников грабили дочиста или отбирали часть товаров, после чего отпускали в надежде когда-нибудь снова встретиться с ними на большой дороге.

Не менее наносила ущерб крестьянским хозяйствам господская охота. И герцоги Нормандии, и их феодалы жили охотой, как и войной. Север Франции в ту эпоху представлял собой лесной край, в котором в изобилии водились лисицы и зайцы, куницы и волки, кабаны и олени, медведи и зубры. По тогдашним законам правом охоты в лесах обладали только гос-

пода, но не крестьяне и горожане, которые не имели даже права прогонять охотничью дичь со своих полей и убивать ее, если она портила посеvy. Во время охот вытаптывались возделанные нивы и пастбища. Известны случаи, когда король или герцог давали своему вассалу, как особую награду, право охотиться в известных лесах.

В средневековой Франции, в том же герцогстве Нормандия церковь являлась важным звеном установившейся феодальной системы. Ей надлежало вооруженной рукой защищать собственные немалые владения. Поэтому церковным иерархам приходилось опираться на собственных военных людей, которые становились их вассалами. Поэтому епископы и аббаты отправлялись на войны во главе конных отрядов рыцарей и слуг. Они носили богатые защитные доспехи, но, как духовные лица, не имели права проливать кровь человека. Поэтому копьё или меч в их руках часто заменяла боевая палица или дубина.

Военное профессиональное обучение в эпоху Средневековья устоялось и носило наследственный характер. Сын рыцаря мог быть только рыцарем, сын барона – бароном, сын графа – графом, сын герцога – герцогом, сын-наследник короля – только королем. Феодал обязан был жизнью, долгом чести и прозой жизни учиться военному делу самым настоящим образом.

Вполне вероятно, что Нормандия так бы и осталась в мировой истории, в истории европейского Средневековья одним из герцогств Французского королевства. То есть крупным феодальным владением, подвластным королевской короне. Однако Нормандии было самой судьбой уготовлена иная судьба, чем, скажем, Бургундии или Лотарингии, тоже герцогствам. И все это было связано с именем одного великого человека, имя которому Вильгельм Завоеватель.

...Вильгельм был незаконнорожденным сыном свирепого характером Роберта I Дьявола, герцога Нормандии. Это прозвище говорит само за себя – такие имена добрым людям не давались даже в Средневековье, чья история переполнена войнами и военными конфликтами, грабительскими походами и мятежами, заговорами и изменами, подлыми убийствами и жестоким обращением с подданными, в первую очередь с теми, кого покоряли силой оружия. То есть это был дух той эпохи, и ничего более особенного.

Роберта отличала жестокость на войне и буйный нрав в обыденной жизни. Все это множилось на вседозволенность владельца большого феода, не расстававшегося с мечом даже за праздничным столом. Для своего времени Роберт Нормандский был человеком знаменитым, воевавшим едва ли не со всеми соседями его родовых владений. Герцог по прозвищу Дьявол гордился тем, что является прямым потомком конунга (короля) викингов.

Неистового гнева Роберта Дьявола боялись не только соседи, владетельные феодалы. По сохранившемуся преданию, он как-то решил испытать подданных на отношение к своей личности и в лесу на дереве повесил золотой браслет, который служил повседневным, и потому запоминающимся украшением правителя Нормандии. Снять его с дерева не посмел никто до самой смерти герцога.

По другой исторической версии, потомки прозвали герцога Роберта Щедрым, или Великолепным. Основанием для этого стали легендарные поступки второго сына герцога Нормандии Ричарда II и его супруги Юдиты. Так, по преданию, он одарил безвестного и несчастного оруженосца, потерявшего кошелёк, огромной суммой в сто ливров, чтобы тот мог совершить приношение при освящении аббатства Серизи.

Или приводится пример, что однажды в Иерусалиме правитель Нормандии, сам паломник, заплатил золотом за несколько тысяч (!) паломников (по монете за каждого), которые не могли оплатить вход в священный город. Здесь можно заметить, что такого количества золотых византийских монет дорожный кошелёк герцога, уже основательно поистратившегося в пути, вмещать в себя не мог. Можно еще добавить, что в ту эпоху в Западной Европе никто не чеканил золотых монет.

Все это только красивые легенды, сложенные после смерти Роберта Дьявола, известного еще и как Роберт Великолепный. Но во Франции своим труднопредсказуемым характером самоуправного и сурового владетельного феодала он мало походил на Роберта Щедрого.

По всей видимости, во Франции той эпохи владетель Нормандии отличался действительно дьявольскими делами и поступками. И соответствующим прозвищу характером удельного феодала, уповавшего в брэнной жизни, прежде всего, на право меча и огня. Его не случайно сравнивали с древними викингами, давшими название родовым владениям на французском севере, на южных берегах пролива Ла-Манш. Под прозвищем Дьявол герцог Роберт Нормандский и вошел в историю не только своей страны, но и средневековой Европы. Хотя порой он и зовется в печатной строке Великолепным.

Матерью будущего английского короля была дочь зажиточного города Фалеза кожевенных дел мастера Герлева (Арлетта, Херлева, Арлева – так она еще упоминается в русскоязычных источниках), девица, блиставшая своей красотой, но не имевшая никакого отношения даже к низшему слою французской (в данном случае – нормандской) аристократии. Роберт Дьявол, тогда еще только юный граф Иемуа, однажды увидел ее и полюбил, как говорится, всем сердцем викинга.

Первая их встреча состоялась в 1026 (или в 1027) году. Версий о ней много. По одной из них, будущий герцог увидел Герлеву в хороводе танцующих женщин на площади города Руана. По другой версии, он увидел ее в жаркий день среди юных купальщиц. По третьей – Герлева была дочерью камергера правителя Нормандии... Все эти разно чтимые версии дошли до нашего времени в печатном виде.

В Нормандии сохранилось предание о том, как герцог Роберт Нормандский влюбился в простую девушку. Однажды он возвращался с удачной охоты в заповедных для прочих лесах и встретил девушку из Фалеза, которая вместе со своими подругами стирала белье в ручье. Они так задорно смеялись, что не заметили на опушке леса группу всадников, среди которых выделялся их властелин, засмотревшийся на одну из них. Это и была Герлева, так поразившая Роберта Дьявола своей юной красотой, грациозностью движений и задорным, звонким смехом.

Роберту не составило больших трудов навести справки о виденной им у ручья девушке и ее семье, уважаемой в городе. Он пожелал любви неизвестной ему красавицы и, по обычаю знатных викингов, послал одного из своих доверенных приближенных с предложением к семейству Герлевы отдать ему ту, которая пришлась ему по сердцу. Правящие в северной Франции викинги тогда редко придерживались христианских законов при создании семьи, уповая на свои древние обычаи.

Отец Герлевы, богатый кожевник (дубильщик кож, почитаемая тогда профессия) из числа местных долгожителей по имени Фулберт, не знакомый с частной жизнью норманнов, сначала, как христианин, был оскорблен притязаниями члена герцогской семьи на его дочь. Он к тому же верил в то, что ее красота и покладистый характер гарантирует девушке «хорошую партию» во взрослой жизни. В действительности так оно и случилось.

Однако конфликтовать с самим правителем Нормандии было опасно, и потому отец Герлевы стал искать себе советника. Такого человека Фулберт нашел в лице отшельника, жившего в лесах близ Фалеза и пользовавшегося большим почитанием среди фалезцев. Отшельник якобы сказал просителю совета:

«Наши герцоги не нуждаются в церковном освящении, дабы взять себе жену и произвести на свет доблестных баронов».

После совета со старцем кожевенных дел мастер согласился принять предложение Роберта и отослал к нему свою любимую дочь, «обряженную в брачный наряд». Та, «сияющая от счастья», покорно восприняла «подарок судьбы», став пока не «первой леди» Нормандии, но фактически вошедшей в герцогское семейство с сомнительными правами на то.

Роберт Дьявол поселил приглянувшуюся ему простолюдинку в своем замке, и Герлева стала наложницей (конкубиной) герцога, так и не сходя с ним под венец. Граф Иемуа в данном случае пренебрег христианскими обычаями, устроив свое семейное счастье чисто по неписанным законам норманнов, то есть викингов. Брачными «формальностями» они себя, даже приняв христианство, не обременяли. Впрочем, к этому их тогда никто и не обязывал.

Достоверно известно, что Роберт Дьявол, бывший далеко не ягненком, любил свою конкубину, и та уже вскоре могла оказывать на него известное влияние. У писателей прошлого и настоящего романтический союз герцога Нормандии с простой девушкой продолжает вызывать большой интерес.

У монархов и крупных феодалов Средневековья очень часто были внебрачные дети, многие из которых воспитывались в доме родителя или отдавались им кому-то из, как правило, родичей на «благородное» воспитание. Но лишь единицы из таких бастардов с незавидным детством и дальнейшей судьбой получали в наследство отцовский трон, его корону и войско в придачу. Став взрослыми, им чаще всего приходилось в жизни полагаться только на самих себя.

Когда у них появился на свет ребенок, Роберт Нормандский сразу же объявил внебрачного ребенка своим наследником и назвал Вильгельмом. Он оказался незаконнорожденным, но единственным сыном правителя Нормандии, который, к чести ему, оказался заботливым отцом. Роберт, думается, не сразу посчитал своего первенца прямым наследником, но потом эта мысль утвердилась в нем, и он стал готовить маленького Вильгельма к будущему поприщу.

Некоторые исследователи считают возможным, что у него родилась еще дочь Аделаида. Но другие сомневаются в этом, ссылаясь на прямое свидетельство Роберта де Ториньи, который писал, что Аделаида не является дочерью Герлевы. Во всяком случае, герцог Роберт заботился о ней, как о своем ребенке, а его сын считал Аделаиду своей сестрой, хотя каких-то теплых между ними отношений историки не замечают.

Роберт Дьявол взял себе Герлеву в наложницы, еще не будучи наследником нормандского престола. После смерти своего отца в 1026 году он получил титул графа Иемуа. Герцогом же стал его старший брат Роберт II. Братья между собой не ладили и часто ссорились, порой по пустякам. Отношения их последние годы были крайне натянутыми. Может быть, поэтому Роберт-младший поселился сам в Фалезском дворце, больше напоминавшем замок, и привез туда полюбившуюся ему конкубину, не блиставшей родословной.

Роберт III Нормандский правил отцовским наследством совсем немного. В августе следующего 1027 года он неожиданно для окружения внезапно умер. Слухи о причинах его смерти ходили разные, говаривали (как бывало в таких труднообъяснимых случаях) и о возможном отравлении. Герцогское кресло пустовать не стало: Роберт-младший сразу же занял его на законных основаниях, и дворцовые разговоры о странной смерти старшего брата прекратились.

Ему досталась одна из самых развитых во всех отношениях областей Французского королевства, бывшая некогда графством, а потом ставшая герцогством. Экономическая жизнь средневековой Нормандии процветала благодаря торговле и портовыми городам на побережье пролива Ла-Манш. Столица Руан смотрелась хорошо укрепленным городом. В Нормандии тогда было много богатых монастырей и шесть епископств – Эврё, Байё, Лизьё, Кутансе, Аврание и Сеэзе.

Нормандия граничила с королевским доменом (личным владением короля Франции) и с такими беспокойными соседями, как герцогство Бретань, графства Мэн и Анжу. С ними правителям Нормандии, в том числе и Роберту Дьяволу, приходилось постоянно конфликтовать, то есть вести чисто феодальные, рыцарские войны в приграничье.

...Вильгельм родился на севере Франции, в Фалезе. Часть своего детства он провел в столице герцогства городе Руане. Руан тогда был одним из самых больших городов Французского королевства и был достаточно надежно укреплен. История не сохранила ни точной даты

его появления на свет, ни даже года рождения. Исследователи считают, что Вильгельм I Завоеватель начал отсчет своей бурной жизни около 1027 года (или 1028), но никак не позже.

Сведения о его детстве и юности до нас дошли самые скудные. Поэтому старинные хроники, современные историки, писатели и публицисты вынуждены заниматься реконструкцией первых пятнадцати лет жизни короля Вильгельма Английского. Отсюда идут разночтения и дискуссии по самым разным страницам биографии одного из самых крупнейших политических деятелей и полководцев Европы во второй половине XI столетия.

Родители нарекли сына популярным в то время именем. На старом французском языке оно звучало как Гильом, на современном французском – как Гийом. Историческим прозвищем Вильгельма, добывшего себе вооруженной рукой английскую королевскую корону, стало Завоеватель.

Вообще, историй о его детстве известно совсем мало, поскольку в отцовском доме каких-то родовых записей не велось и родословная передавалась из уст в уста. Вне всякого сомнения, она также устно «переписывалась» в каждом новом поколении. Вполне вероятно, родители были безграмотны, и потому время не сохранило нам каких-либо документальных свидетельств, написанных их собственной рукой.

Можно утвердительно сказать, что незаконнорожденный сын герцога Нормандии получил какое-то начальное образование. Его учили «добрым обычаям» – почитанию родителей, самоуважению и почтительному отношению к церкви. Знал ли он азы чтения и письма, об этом можно только гадать.

Хронист-публицист Вас в «Романе о Ру» (увидел свет приблизительно в 1070 году), отходя от легендарного изображения Вильгельма Завоевателя, пишет о его детстве следующее:

«Ребенок рос, поскольку Господь возлюбил его и наставил к добру; герцог любил его не меньше, чем если бы он был рожден его законной супругой; он приказал воспитывать его как благородного мужа и в богатстве; долгое время Вильгельм получал это образование именно в Фалезе».

...Герцог Роберт Дьявол не был послушным христианским заповедям человеком: время требовало от него иного подхода к брэнной жизни могущественного феодала. И особой набожностью правитель Нормандии не отличался, иначе не носил бы хозяин руанского замка такого впечатляющего воображение (тогда и сегодня) прозвища. Прозвище Великолепный отец Вильгельма Завоевателя получил уже после своего ухода из жизни. Думается, что руку к этому приложили хронисты английского королевского двора.

Но в жизни даже самых жестокосердных по поступкам феодалов Средневековья случалось всякое. Как однажды случилось с воинственным, не дававшим покоя таким же, как и он, соседям, человеком. Неизвестно отчего, но однажды рыцарствующий правитель Роберт Нормандский вдруг «прозрел», отошел от прежней жизни и неистово обратился с мольбами к Богу.

Молить же Всевышнего ему было о чем: герцог по прозвищу Дьявол натворил за свою жизнь беззакония много, равно как жестокостей и пролития крови людей невинных. Кто-то из исследователей даже посчитал это заслугой его набожной незаконной супруги Герлевы, которая, как известно, имела на герцога (когда он был с ней рядом) большое влияние, наставляя на путь истинный.

Как бы там ни было, Роберт Дьявол вдруг воспылал страстным желанием совершить паломничество в Святую землю, в Палестину, помолиться там Гробу Господню и христианским святыням Иерусалима на покаяние. Каяться же герцогу требовалось действительно во многом содеянном, хотя многие грехи ему за определенную плату в звонкой монете его святейством папой римским были уже отпущены. И, как считается, на много лет вперед. То есть герцог не должен был испытывать душевный дискомфорт и часто вспоминать о своих нечестивых поступках.

В Средневековье такое отпущение любых грехов знатным и незнатным людям особых забот не составляло. Заплати хорошо известно кому – и ты свободен от любых грехов, которые уже совершил или будешь совершать уже сегодня, но уже с чистой душой. Подобных примеров история той эпохи знает сколько угодно, один другого поучительнее.

Но отправиться в дальний и опасный путь через Средиземное море просто так Роберт Дьявол не мог, поскольку требовалось уладить дела в его герцогских владениях. То есть на всякий случай он вознамерился решить вопрос о престолонаследии, поскольку отсутствовать в Нормандии ему предстояло долго. Во время же даже короткого отсутствия хозяина огромного феодального владения могло случиться всякое.

С малолетним сыном-наследником, к тому же незаконнорожденным – бастардом, сильные соседи и даже собственные вассалы (сыновья викингов-датчан) могли поступить коварно и подло. И опять же в духе того времени, малопонятного нам сегодня, прежде всего, своими многократно изменами правителям. Думается, что надежного приближенного, которого можно было со спокойной душой оставить для защиты семейства и родового замка, у герцога Роберта Дьявола просто не было.

В январе 1035 года в Фекане герцог собрал нормандскую знать (архиепископа Руанского, епископов и крупнейших баронов) и самым суровым образом заставил ее поклясться в верности своему наследнику, пусть и рожденному от простолюдинки. По преданию, Роберт Дьявол (он же в истории упоминается еще и как Роберт Великолепный!) грозно сказал своим вассалам в баронских титулах:

«Я не оставлю вас без господина. У меня есть мальчишка с левой руки, я точно знаю, что это мой сын. Если он, Бог даст, вырастет и станет разумным человеком, возьмите его господином себе, а я теперь же отдаю всю Нормандию в его владение...»

Есть среди хронистов той эпохи и другой вариант произнесенной в Фекане на собрании знати Нормандии речи. Герцог якобы произнес ее после того, как выслушал «опасения» собственных вассалов:

«Сеньоры, то, что вы говорите, верно; у меня нет ни ребенка, ни наследника, кроме того, которого вы видите перед собой. Если вы примете его, я дам его вам; он будет под защитой короля Франции. Конечно, он мал, но, с Божьей помощью, он вырастет и станет сильным».

Тогда, в Фекане, никто из собравшихся баронов, епископов и прочих знатных людей даже не заикнулся о том, что мальчик, одетый в герцогскую мантию, является для них бастардом. Это слово мятежные бароны бросят в лицо, когда Вильгельм станет совершеннолетним. А пока они вереницей, под строгим присмотром Роберта Дьявола, целовали его маленькую ручку и клялись в вассальной верности.

После этого он оставил 7-летнего Вильгельма у короля Франции Генриха I, который взял над маленьким наследником герцогского титула опеку. Надо сказать, что монарх данное герцогу обещание сдержал. Вильгельм, став взрослым и влиятельным, никогда не упрекал своего венценосного воспитателя в чем-то дурном, в плохом обращении с собой. Он понимал, что для него, еще маленького, королевский дворец стал надежной защитой от удара кинжалом или смертельной дозы яда.

Так было давно заведено и так случалось при дворах европейских, да и не только европейских монархов. Французскому монарху тоже приходилось задумываться о судьбе своего наследника, который (желательно) имел бы если не верных, то хотя бы послушных феодалов, которые не вовлекались в военные заговоры против законного обладателя королевского престола.

Считается вполне вероятным, что, прибыв ко двору короля Франции, маленький наследник герцогской короны Нормандии принес короткую вассальную присягу. Так ли оно было в действительности, тому документальных подтверждений нет.

Уладив династические дела и утвердившись в думах за будущее сына-наследника, герцог Нормандский со спокойной душой отправился паломничество в Святую землю. За себя он оставил править герцогством сенешаля Осберна де Крепона, дядю бастарда Вильгельма. Тот тоже отличался суровостью, подписывая указы от имени герцога.

Надо отдать должное Роберту Дьяволу, который, отправляясь на Ближний Восток, то есть из Европы в Азию, позаботился не только о своем внебрачном сыне, но и о его матери, своей любимой наложнице Герлеве. Можно предположить, что герцог по каким-то веским для себя причинам серьезно опасался, что из Палестины он может и не вернуться.

Роберт Дьявол устроил (обеспечил) дальнейшую судьбу Герлевы так: в 1034 году она с приданым была выдана замуж за герцогского вассала Герпуина (Геллуэна, Эрлуэна), виконта де Контевиля. Теперь она могла чувствовать себя в известной безопасности от возможных посягательств на свою жизнь со стороны недругов отца своего первого ребенка.

У супругов жизнь, как считается историками, сложилась: на свет появилось два сына – Одо и Роберт. Во взрослой жизни они станут верными соратниками сводного брата Вильгельма в делах военных и мирских. Одо, предположительно, в двадцать лет станет епископом Байё.

Один из средневековых литераторов, Ордерик Виталий, около 1140 года так сообщает о том важном для жизни Нормандии событии: «Когда умер епископ Байё Гуго, герцог передал это епископство своему брату Одо. Последний после своего посвящения начал строительство собора Пресвятой Богоматери».

Ряд исследователей считают, что Герлева вышла замуж за виконта де Контевиля намного раньше. В первом же случае, вполне возможно, хронисты того времени попытались придать отношениям простолюдинки и самодержавного герцога некую романтичность рыцарского Средневековья.

Палестину и Иерусалим Роберт Дьявол, которого сопровождал целый отряд людей, умеющих владеть оружием, посетил без особых приключений, сохранил жизнь и свободу на чужой для него земле. Паломничество в Святую землю еще до долгоиграющей серии Крестовых походов было для европейцев делом опасным, поскольку их в Палестине особо никто и не ждал, а вот любителей из числа «нехристей» поживиться там находилось всегда немало.

Герцог Нормандский отправился на Восток с верными слугами, будучи «при деньгах и оружии». То есть он мог постоять за себя и с мечом в твердой руке, и кожаным кошельком с немалыми деньгами. Он побывал в Иерусалиме, других местах Святой земли и мог благочестиво возвращаться домой, будучи преисполненным христианского долга.

Достоверных сведений о его паломничестве не сохранилось, хотя средневековые авторы постарались описать посещение Палестины и путь в нее герцога Роберта Нормандского. Роберт Дьявол изображается то смиренным богомольцем, то человеком находчивым и не лишенным юмора. Так, в Риме он остановился перед конной статуей императора (Константина?), приказал купить очень дорогой плащ и накинуть его на плечи обнаженного монарха.

После этого он смеялся над римлянами: «...Эти римляне, которые оставляют своего господина раздетым и летом, и зимой, в то время как им должно было бы лучше чтить его и дарить ему по плащу каждый год».

Прибыв в Константинополь, герцог якобы приказал заменить подковы своего мула ненадежно прикрепленными золотыми украшениями. Когда они отваливались, то он запрещал своим людям поднимать их с земли. Считается, что таким образом герцог Нормандский хотел «пустить пыль в глаза» жителям столицы Византийской империи.

Но на обратном пути из Святой земли, из Иерусалима, то есть во время паломничества, молодой и крепкий здоровьем Роберт Дьявол умер в начале июня того же 1035 года. Причин смерти называется много (чаще говорилось об отравлении), но документально подтвержденных среди них нет. Он ушел из жизни в городе Никее, останки его покоятся и поныне в церкви (базилике) Успения Бородицы.

Версия об умышленном отравлении герцога имела довольно широкое распространение в Нормандии. В подтверждение этого приводился такой факт: такой же напиток выпил и один из спутников Роберта Дьявола, граф Дре Вексенский, который тоже умер там, в Никее. Один из хронистов называет отравителем человека из герцогской свиты, Рауля Мовэна, который якобы по возвращении домой был признан виновным и изгнан из Нормандии.

Так отец, которому было всего 25 лет от роду, освободил тронное место и герцогскую корону малолетнему сыну. Следует заметить, что при получении такой вести многие в городах и графствах Нормандии вздохнули свободно и открыто: у герцога Роберта была тяжелая длань и крутой нрав, он ревниво относился к любому непризнанию его полной власти над подданными, кем бы они ни были.

К тому же Роберт Дьявол (он же Щедрый), как и подобные ему владетельные феодалы Средневековья, был неравнодушен к чужому богатству и «чрезмерному» достатку. То есть мог запросто ограбить и купеческий караван на лесной дороге, и взять «повышенный» налог или обыкновенный побор с богатого горожанина. Пути личного обогащения в феодальной Европе учета и классификации просто не поддаются современным исследователям Средневековья. И о них обычно не писалось в официальных хрониках и эпистолярных трудах.

Так Вильгельм Нормандский (или Незаконнорожденный), он же Вильгельм Завоеватель стал седьмым по счету герцогом Нормандии. В отличие от него все его предшественники королевских высот, то есть корон, в своих грезах не видали, да и не стремились к этому. Их хватало только на то, чтобы удержать собственную корону и защитить ее от покушений родичей.

Так в возрасте около семи (или около восьми) лет Вильгельм наследовал отцовский престол, пока еще номинально считаясь герцогом Нормандии, одного из самых крупных феодальных владений французской короны. Но герцогом он стал для окружающих только номинально. У него было мало шансов удержать такую власть в детских руках.

Причин тому видится много, и достаточно веских. Прежде всего то, что мальчик являлся внебрачным сыном умершего правителя Нормандии (их могло быть много). То есть за его спиной не стоял какой-то знатный нормандский род или сильная богатством и связями семья. Поэтому многие лица из нормандской знати не признали прав малолетнего бастарда Вильгельма на герцогскую корону и не желали видеть его своим господином.

Однако среди разросшейся нормандской династии, среди ее многочисленных представителей не нашлось кандидатуры на герцогский престол, которая устраивала бы если не всех, то хотя бы большинство. Одним препятствовал занять светский пост духовный сан, другим – такая же, как у Вильгельма, незаконнорожденность, третьим – вассальная зависимость от других правителей. А кто-то из вероятных претендентов на корону Нормандии просто не смог заручиться серьезной поддержкой.

Самым опасным соперником для бастарда Вильгельма с точки зрения права являлся Николас, сын старшего брата отца герцога Ричарда III. Но он еще ребенком был определен родителями для духовной карьеры, жил и воспитывался в монастыре Сен-Уан. Повзрослев, он в 1042 году станет его аббатом.

На герцогский престол могли претендовать и двое младших единокровных братьев Роберта Дьявола – Можер и Вильгельм де Талу. Однако они в то время не обладали серьезным влиянием, не имели своих «партий». То есть в случае схватки за корону Нормандии им был не на кого опереться.

Вероятнее всего, герцог Роберт Дьявол хорошо продумал, как защитить сына, объявленного наследником, от возможных превратностей судьбы. Он на всякий случай оставил завещание, назначив опекунами малолетнего Вильгельма трех своих родственников, людей влиятельных в Нормандии, имевших надежные связи при королевском дворе и церкви и обладавших собственными сильными рыцарскими отрядами.

Так опекунами будущего основателя новой английской династии стали герцог Ален III Бретонский, Жильбер (Гилберт), граф де Брион и один из самых могущественных представителей нормандской знати Осборн де Крепон, он же сенешаль Нормандии. Эта тройка близких к Роберту Дьяволу людей должна была озаботиться судьбой своего воспитанника.

Хронисты называют еще одного человека в окружении совсем юного герцога, который играл при нем «значительную роль». Это был некий Турчетиль (Турчетил, Турольд), владевший землями в Нёфмарше. Он называется «кормильцем» Вильгельма, однако исследователями не установлено, как прямые обязанности исполнял этот нормандский барон.

Все же главную роль в признании малолетнего Вильгельма законным герцогом Нормандии сыграли не его опекуны, отцовские родственники. Этим человеком, бесспорно, являлся руанский архиепископ Роберт. Он был могущественным человеком, который кроме архиепископства Руана владел еще и графством Эврё. В хрониках Роберт называется первым советником правителя Роберта Дьявола, его доверенным лицом в ряде конфликтных дел, когда в ход удачно пускалась тайная дипломатия.

Имеются утвердительные сведения, что именно архиепископ Руана, имевший хорошие личные связи с французским монархом, добился того, что Вильгельм был признан королем Генрихом I прямым наследником Роберта Дьявола. Вполне вероятно, что именно тогда малолетний Вильгельм был представлен королю, став при дворе и его воспитанником.

Как бы там ни было, положение подраставшего в королевском дворце Вильгельма продолжало оставаться шатким. Ему не раз приходилось опасаться вместе с опекунами за собственную жизнь. Когда ему было лет десять, то есть в 1037 году, умер его главный защитник и наставник руанский архиепископ Роберт. После этого ситуация вокруг малолетнего герцога стала меняться не в лучшую сторону.

Хотя о событиях того времени известно очень мало, все же хроники донесли до нас отрывочные сведения о той атмосфере, в которой подрастал будущий Вильгельм Завоеватель. Из этой отрывочной информации нам известно, что между родственниками Вильгельма началась кровавая борьба за то, чтобы иметь личное влияние на герцога, совершеннолетие которого близилось. И уже не за горами было его восшествие на отцовский престол и начала самостоятельного, вернее – самовластного правления Нормандией.

Вначале главная роль в окружении юного Вильгельма играл герцог Ален Бретонский. Но в 1039 году он умер, и достойной замены ему не нашлось. После этого главенствующую роль при герцогском «дворе» занял человек сильного характера – Жильбер де Брионн. Но в том же 1039 году он погиб от руки наемного убийцы. Его подослал Рауль Гассийский, один из сыновей покойного архиепископа Роберта.

Примерно в то же самое время погибает еще один из опекунов сына Роберта Дьявола – Турчетиль. Ряд историков именно его называют воспитателем юного герцога. Достоверные обстоятельства его смерти истории неизвестны, но в том, что это было злодейское покушение, сомневаться особо не приходится.

Вильгельм и подрастал, и мужал характером. За него до его совершеннолетия герцогством правили другие люди из королевского окружения (прежде всего опекун Жильбер де Брион), зачастую даже не «советуясь» с, казалось бы, истинным правителем огромных владений на севере Франции. Но такая ситуация могла быть только временной.

Ее король тогда тоже особо не влезал во внутренние дела герцогства, подчинявшегося ему в силу собственного могущества номинально. Он прекрасно понимал, что ставшие у власти в области Нормандии датские викинги до сих пор полностью «не офранцузились», и было не всегда ясно, к какому отечеству относят себя эти новоявленные феодалы. Тогда в Париже их еще считали неким чужеродным явлением на земле собственно Франции, и одно это давало Нормандии некое право на самобытность и автономию от королевской власти.

Впрочем, и многие другие исторические области современной Франции пользовались значительной автономностью не только во внутренних, но и внешних делах. Так что обладатели королевской короны жили в ту пору с большим беспокойством за свою династию. Внутри страны у них часто находились могущественные вассалы в лице не только герцогов, но даже графов.

Трудно сказать, как маленький Вильгельм воспринял известие о смерти отца. Равно как и то, что после получения печального известия большая часть Нормандии стала ареной баронской междоусобицы. В ней он лишился одного из своих опекунов: Жильбер де Брион был предательски убит на пустынной дороге. Тогда новым опекуном маленького герцога стал Рауль де Гесе, который быстро стал прибирать к своим рукам власть в герцогстве.

Надо отдать должное дееспособности Рауля де Гесе, который от имени герцога Вильгельма, совершеннолетия которого уже было не за горами, делал все, чтобы подавить своеволие местных баронов. Так, он подавил мятеж виконта Йемуа Турстэна Гоза, наследника скандинавского викинга, захватившего с помощью преимущественно французских наемников замок Фалез и отказавшегося подчиняться распоряжениям герцога.

Считается, что большая часть нанятых виконтом воинов являлись французами, а не нормандцами. Хронист Вильгельм Жюмьежский считает, что Турстэн Гоз «помчался на помощь королю Франции», то есть действовал по наущению Генриха I. Сейчас трудно сказать, являлся ли король инициатором этого мятежа, или просто позволил такому случиться.

Считается, что в этом военном походе верных рыцарей на освобождение Фалезского замка Вильгельм Завоеватель в 14 или 15 лет получил боевое крещение. Он стал свидетелем взятия замка: когда снаряды (камни) метательных осадных машин пробили в крепостной стене большую брешь, что позволяло начать штурм, Турстэн Гоз сдался на милость победителя и был изгнан из Нормандии. Но через несколько лет он вернулся туда, сумев вернуть себе расположение правителя.

В том случае Рауль де Гесе быстро собрал герцогское вассальное ополчение, начальником которого он являлся. В самый короткий срок непокорный виконт Йемуа был вынужден подчиниться силе, которая исходила от юного герцога, вернее – от «правительства» при нем в лице Рауля де Гесе и командиров отрядов рыцарского ополчения.

Здесь надо отдать должное дяде Вильгельма по матери, Готье: он часто, когда чувствовалась атмосфера опасности, ночевал в спальне племянника, не расставаясь с мечом и кинжалом. Готье не раз спасал юного Вильгельма, тайно оставляя ненадежные дворцовые покои и прячась не только ночью, но и днем в хижинах бедных, но верных нормандцев.

Так что до своего совершеннолетия герцог познал многое зло окружающего его мира. Став взрослым, он удивительно легко разгадывал тайные замыслы близких людей, направленные против него лично и его семьи. Нельзя сказать, что Вильгельм Завоеватель читал тайные мысли людей из своего окружения. Но в том, что он верно угадывал «злые мысли», особо сомневаться не приходится.

Мальчик рано стал познавать жестокости феодального миропонимания. Он явился невольным свидетелем убийства сенешаля Осберна де Крепона, своего дяди по отцу: убийца с мечом в руках ночью ворвался в спальню Вильгельма, когда в ней находился сенешаль Нормандии. Случилось это, по разным сведениям, в 1040 или 1041 году. В одной из хроник это убийство называется гибелью в драке, случившейся в герцогской спальне в Водрее.

Эта череда утрат опекунов, близких людей наложила на мальчика отпечаток постоянной жизни в тревоге и страхе, в ожидании опасности, которую надо встречать в готовности противостоять ей. Известно, что свою привязанность к Осберну де Крепону герцог Нормандский, будущий король английский перенес на его сына, а потом и внука. Свое детство Вильгельм вспоминал как бродячую жизнь в постоянном поиске безопасного места пребывания, даже ночлега. Начало его долгой для той эпохи жизни можно назвать только печальным.

Именно в детские годы, в юности Вильгельм Завоеватель научился распознавать людей и приобретумение судить о человеческих способностях и наклонностях, характере, мере доверия к ним. Писатель Средневековья Ордерик Виталий скажет о том периоде жизни венценосного полководца: «Он копил в своем детском сердце мужскую силу».

...В Нормандию стали вторгаться соседи, владетельные феодалы Бретани. Это герцогство, говоря языком наших дней, претендовало на гегемонию в северной Франции, да и к тому же с Нормандией у бретонцев находилось много неразрешенных пограничных проблем. Они возникали по той простой причине, что в Средневековье демаркации границ не производилось. Ими в лучшем случае были реки или другие естественные, природные рубежи. Если же их не существовало, то на границе возникали кровавые распри из-за спорных пастбищ, сенокосов и прозаичных пустырей.

Феодальное соперничество между Бретанью и Нормандией не утихнет и тогда, когда Вильгельм достигнет совершеннолетия и возьмет правление герцогством в свои уже не юношеские руки. Воевать же много нормандцам придется против герцога Алена III Бретанского, который предъявил свои, пусть и сомнительные, права на Нормандию.

Здесь следует заметить, что такие феодальные войны в средневековой Франции больше напоминали разбойные набеги на соседа, и не всегда в ходе их осаждались рыцарские замки и города, больше напоминая большие крепости. Поэтому в военном противостоянии двух больших феодалов Французского королевства вся их военная сила редко подвергалась полной мобилизации.

Политическая ситуация в верхнем эшелоне власти (среди родни Роберта Дьявола) в герцогстве с малолетним Вильгельмом во главе постоянно менялась. Это грозило ему и его «партии» серьезными бедами и утратами. Младшие единокровные братья отца, люди самолюбивые, Можер и Вильгельм де Талу стали быстро набирать силу, что укрепляло их амбициозность и увеличивало число сторонников. Естественно, что в таком случае уменьшалось число людей, которые стояли за бастарда, объявленного отцом законным наследником нормандского престола.

В 1037 (или 1038) году Можер утверждается архиепископом Руанским. Иначе говоря, он оказывается во главе церковной иерархии Нормандии. В то же время Вильгельм де Талу становится графом Аркеза, тогда для герцогства большого феодала. То есть число подвластных ему рыцарей заметно увеличивается и он становится в военном отношении сильнее. С 1039 года имена Можера и Вильгельма де Талу в официальных актах Нормандии встречаются сразу после имени ее правителя, а тот находился еще на полном попечении.

На фоне их возвышения в герцогском семействе появляются и другие усиливающиеся личности, которые готовы были начать передел верховной власти в Нормандии. Особую опасность для подрастающего бастарда Вильгельма представлял Рауль Гассийский, убийца опекуна графа Жильбера де Бриона. Это был человек коварный, честолюбивый, готовый на любые поступки, в том числе на открытое убийство.

Правда, Раулю Гассийскому не удалось воспользоваться землями и недвижимостью убитого Жильбера де Бриона, прежде всего его замками. Он их не получил даже по суду, хотя усилий к тому было приложено немало. Да и денег поистратил тоже много. Крепкие замки Брионн и Вернон вместе с землями, крестьянами на них и титулом графа получил Ги де Брионн (Ги Бургундский), известный в истории как друг детства Вильгельма Завоевателя и его соратник. Он был сыном графа Рено Бургундского и Адели, дочери герцога Ричарда II.

Можно утверждать, что еще до совершеннолетия Вильгельма (когда ему исполнилось то ли шестнадцать, то ли пятнадцать лет) в самой Нормандии и на ее французских границах сложилось сложная ситуация. «Разрулить» ее в пользу герцогской короны мог только сам обладатель престола. Но для этого ему следовало показать волевой характер, последовательность в

поступках, обзавестись надежной поддержкой короля Франции и самому обладать достаточной военной силой.

Внутри герцогства ситуация выглядела достаточно опасной: дело было даже не в самоуправстве баронов, размышлявших о личной свободе старшего в феоде и бесконтрольности поведения в собственных поместьях. За время несовершеннолетия Вильгельма в Нормандии появилось много новопостроенных рыцарских замков, в которых отсутствовали гарнизоны герцогских войск.

То есть в случае баронского мятежа правитель мог оказаться в крайне затруднительном положении: крепостная война с ее осадами и штурмами самых различных крепостей требовала больших воинских сил и еще больших затрат казны. У юного герцога Нормандии не имелось в наличии ни того ни другого. К тому же осада любой крепости, даже простого рыцарского замка, победно заканчивалась при основательной инженерной подготовке с использованием дорогостоящих боевых машин, которые требовали для обслуживания немало людей.

Вильгельм оказался в крайне затруднительном положении. Для него в начале правления любой незаконно возведенный замок вассала мог в один день превратиться в «осиное гнездо», место сбора недовольных вооруженных людей. Их в Нормандии хватало даже при Роберте Дьяволе, человеку решительном и не выбиравшим средств упрочения личной власти.

С другой стороны, к середине XI века у Нормандии сложились потенциальные противники (вернее – недруги), соперничавшие с герцогством за главенство на французском севере. Иначе говоря, речь шла о прозаическом феодальном противостоянии в государстве, в котором королевская власть виделась откровенно слабой. Монарх, как это показала судьба Генриха I, сам нуждался в военном союзнничестве с владельцами крупных феодалов и многочисленным мелким рыцарством, готовым встать под знамена парижского сидельца.

С Нормандией в то время враждовали Бретань и графство Анжуйское, правители которых желали завладеть рядом спорных территорий, в том числе графством Мэн. Предлога же для военного конфликта сторонам искать не приходилось: им могли быть, к примеру, неосторожно сказанные на застолье оскорбительные слова в адрес соседа. Или разбойное нападение на чужой купеческий караван на лесной дороге. К тому же у каждой из сторон имелись давние взаимные обиды, которые не забывались. Поводы для конфликтов давали и рыцарские турниры, в изобилии проводившиеся тогда по всей Европе.

В ту эпоху европейского Средневековья юноши любых сословий взрослели рано. Известно, что в 1042 году французский король Генрих I торжественно произвел юного 15- (или даже 14-) летнего герцога Вильгельма Нормандского в рыцари. С памятного дня посвящения в королевские рыцари для него началась взрослая жизнь.

...На формировании личности Вильгельма сказывалось то, что ни рано ушедший из жизни отец, и мать, которая по воле родителя оставила маленького сына, чтобы создать свою законную семью, после семи лет им не занимались. Опекунов же у подрастающего Вильгельма, причем людей самых разных, оказалось много, и о личном их бескорыстии говорить не приходится.

Опекунство каждому из них давало какие-то немалые выгоды: реальную власть в герцогстве, управление ее казной, возможность какое-то время принимать решения в личную пользу. К тому же опекуны стремились к тому, чтобы сохранить свое определяющее влияние на Вильгельма и после его совершеннолетия.

Мать Вильгельма, который часто находился в Париже, после смерти Роберта Дьявола создала новую семью и потому с сыном общалась только по случаю. Она, выданная замуж за рыцаря, сеньора де Контевиля, жила счастливо. У супругов на свет появилось трое детей: сыновья Роберт и Одо, дочь Мюриэль. Вильгельм, став герцогом, поддерживал с братьями по матери самые тесные отношения.

Известно, что Вильгельм, став самовластным герцогом, не отказывал матери ни в каких ее просьбах, хотя Герлева ему ими и не досаждала. Ей довелось заниматься воспитанием сына только тогда, когда он был еще совсем маленьким и она жила в Фалезе. Судьба наследника престола и опекуны (сознательно) разлучили мать с сыном.

Надо сказать, что Вильгельм, утвердившись на престоле правителя Нормандии, благоклонно относился к братьям матери – Осберну и Готье. Они часто присутствовали на дворцовых торжествах, и в подписях под грамотами тех лет именуется как «дяди герцога». Дочь Готье стала женой влиятельного Рауля Тэссона, барона Сингле, подготовившего заговор и поднявшего в будущем мятеж против герцога, ставшего его родственником.

Следует сказать, что судьба маленького наследника герцогской короны во Франции не выглядит какой-то особенной и трагичной. Это был дух Средневековья, и судьбу Вильгельма Завоевателя в юности повторяли многие дети из семей крупных феодалов, которые оставались без родителя. Сыну герцога Роберта Дьявола еще повезло: ни один из опекунов не позарился на его престол, не пытался «приватизировать» земельные владения господина и «элитную недвижимость» в виде замков и торговых городов-крепостей.

... При дворе короля Генриха I сын Роберта Дьявола провел долгих девять лет, временами подолгу проживая в Нормандии, которую он любил. За это время он познал дух и секреты королевского двора, искусство придворных интриг, понимание опасностей, которые могли грозить ему в скором будущем. Но не это было самое главное в его воспитании без отца: он учился, как и его сверстники, азам военного дела, то есть рыцарству. Это и стало для него главной наукой в жизни, то есть наукой жизни.

Скорее всего, каждодневно он получал уроки владения личным оружием: мечом и боевым топором, копьем и кинжалом, стальным арбалетом и тугим луком. Учили его воины из числа умелых, опытных бойцов королевского войска. Вильгельм рано научился управлять конем, обученным нести на себе тяжеловооруженного всадника. Учили его биться в тяжелых стальных рыцарских доспехах, знать их секреты и слабые места. Физической подготовкой приходилось заниматься постоянно, поскольку рыцарское дело было делом не слабых людей.

Уже в малолетстве у юного герцога имелись свои оруженосцы и слуги, которые владели оружием не хуже правителя. Многие из них по традиции эпохи являлись одноклассниками правителя, то есть мужали вместе с ним. Они и стали самыми преданными Вильгельму людьми, будучи часто немногим старше возрастом, и пройдя его жизненный путь бок о бок, деля между собой военные тревоги, радости и беды.

В будущем, став английским королем, Вильгельм I одарит многих из них аристократическими титулами, поместьями и замками на земле Туманного Альбиона. Он ценил верность и самопожертвование в битвах своих людей. Особенно тех, кого хорошо знал с непростого для незаконнорожденного сына крупного феодала детства. Они же платили за заботу о себе и своих семьях (фамилиях) верным служением и часто собственной жизнью.

До самого своего совершеннолетия (то есть до достижения 16 лет), когда Вильгельм обрел полную власть в Нормандии, юный герцог постоянно подвергался нападкам сверстников из аристократических фамилий за свое происхождение. Или, говоря иначе, Вильгельма не принимали в семейство высшей французской аристократии, как человека незаконно рожденного, только волей случая ставшего обладателем герцогской короны, да еще какой.

Именно при королевском дворе сын Роберта Дьявола впервые услышал жестокое слово «незаконнорожденный» (бастард), часто сказанное ему не за спиной, а в лицо. Может быть, благодаря этому он научился сдерживать собственные гневные вспышки, скрывать помыслы и ладить на людях со своими откровенными недоброжелателями. Но обид он никому не прощал; дело было только за временем расплаты. Так формировался характер человека, оставившего в истории XI столетия значимый след и на военном, и на политическом поприще.

Будь рядом отец, крутой нравом и обладавший немалым воинским отрядом и целым рядом сильных крепостными оградами городов и рыцарских замков, Вильгельм бы не стал изгоем среди своих сверстников, спесивых по происхождению. Герцог Роберт Дьявол мог заставить недоброжелателей уважать себя и своего наследника. Опекуну же отца заменить не могли, да и уходили они один за другим из жизни насильственной смертью.

Но об отцовском заступничестве говорить не приходилось, и юный Вильгельм Нормандский люто возненавидел всех, кто называл его в глаза или за глаза «незаконнорожденным». Своим аристократическим происхождением кичились многие из его сверстников, обитавших, как и он, при королевском дворе. И тоже на правах воспитанников монарха Франции. Придет время, и кому-то из них правитель Нормандии и Англии жестоко отомстит за нанесенные когда-то в детстве обиды.

Такая жизнь до совершеннолетия обучила юного герцога запоминать многое и... умению постоять за себя, что тогда было совсем не излишней чертой характера даже знатного человека. Лучшей школой тому стали рыцарские турниры, сперва при блистательном дворе короля Франции, а затем при дворе герцога Нормандии, других крупных феодалов Французского королевства. Рыцарство смотрится в раннее Средневековье некой прозой и поэзией жизни любого феодала.

Детство и юность, прошедшая в постоянных стычках со сверстниками-аристократами, обстановка в собственном окружении наложили на характер Вильгельма I отпечаток скрытности, мстительности и жестокости. Дальнейший ход событий не раз покажет, что нормандский герцог, получив отцовскую корону и прочее наследство, обид детства не прощал и снисходительностью к своим недругам никак не отличался. Он был таким же, как все или почти все феодалы той эпохи. От родителей набожности тоже не наследовал, поскольку в вопросах веры следовал принципу практицизма.

Благодаря покровительству французского короля Генриха I юный герцог смог удержаться на нормандском престоле, которому угрожали не только сильные соседи (как, скажем, правители Бретани и Анжу), но и местные, собственные своевольные бароны, каждый из которых опирался на рыцарский отряд и имел хорошо укрепленный замок. Да и к тому же такое своеволие имело в среде нормандской знати родовые корни, которые уходили в не столь уж и далекий мир датских викингов.

Прямым их потомкам какая-либо узурпация полноты власти над собой приходилась совсем не по душе. Особенно когда такой феодал имел крепкий замок и некоторое число рыцарей, только и говоривших за столом о военной добыче и рыцарской славе. Отбитое у соседа стадо свиней или захваченный обоз соседских купцов могли стать строкой в победных песнях рыцарствующих норманнов, в балладах той эпохи.

Графов и баронов Нормандии можно понять: они гордились тем, что ведут свою родословную от викингов-датчан, заботясь о чистоте своей «голубой крови». Гордые эти люди сразу после получения известия о смерти герцога Роберта Дьявола стали бунтовать с оружием в руках против его незаконнорожденного наследника. По их убеждению, такой человек не мог начальствовать над «сыновьями датчан», покоривших Нормандию.

Несколько раз противники и сторонники маленького Вильгельма вели между собой упорные и разорительные войны в герцогстве. Сам он не мог принять в них участие из-за своего малолетства, хотя и был «знаменем» для своей партии. Зыбкий внутренний мир в Нормандии был восстановлен только в 1042 году после взятия сторонниками наследника герцогской короны замка Арк. Замок был хорошо укреплен, и капитуляция его гарнизона произвела сильное впечатление на нормандское баронство. На какое-то время оно поубавило прежний пыл, поскольку уже давно не сталкивалось с такой силой сюзерена.

Тот 1042 год в истории французского Средневековья известен и тем, что в этот год юный герцог, достигнувший своего совершеннолетия, впервые надел стальные рыцарские доспехи,

богато украшенные золотой насечкой, и сел на боевого коня, тоже одетого в защитное стальное снаряжение. И тоже богато украшенное, что отвечало высокому положению его хозяина. Теперь он появлялся всюду в сопровождении дружины своих сверстников, которые называли себя рыцарями правителя Нормандии. Все они (или почти все) тоже являлись потомками викингов.

Свое совершеннолетие и обретение реальной власти герцога Вильгельм отметил следующим поступком: им был прогнан опекун Рауль де Гесе, который, как казалось многим, достиг вершин своего положения. Его подопечный в назидательных советах излишне назойливого старшего больше не нуждался: он рано стал принимать самостоятельные решения, проявлять твердость и известное упрямство. При королевском дворе такое незамеченным не осталось.

Не осталось незамеченным отстранение опекуна-временщика и в работах хронистов. Один из них, Вильгельм Жюмьезский, так описал венец постепенного переход власти в Нормандии в руки юного правителя:

«В расцвете счастливой молодости герцог Вильгельм начал добровольно возвращать в своем сердце поклонение Богу, отстранять от себя толпу бездарных, прибегать к советам мудрых, блистать как воинским искусством, так и в государственных делах».

Надо утвердительно сказать, что такое событие, как совершеннолетие герцога Вильгельма, стало днем торжества по всей Нормандии. Время баронской смуты ушло прочь, и теперь в стране, то есть в герцогстве, был полноправный хозяин, обещавший вырасти в сильного властелина. Этому радовались и горожане, и мелкие землевладельцы, и купечество, и немалая часть местного баронства, которым часто доставалось от соседей. Все они истосковались по законности и безопасным дорогам за последний почти полный десяток лет.

Став в 16 лет полноправным правителем герцогства Нормандии, Вильгельм I сразу же взял в свои руки всю полноту власти, словно торопясь это сделать и не растерять в самом начале правления. Следует отметить, что юный герцог мог бы сдать на отлично экзамен по понятию смысла и технологии «царствования» на земле Нормандии.

Исследователи никак не могут определиться с тем, кто ему преподавал высокий уровень науки управления. Таким учителем отец не успел стать. Королевский двор такой школой быть не мог. Опекуны менялись часто, больше занимаясь собой. Можно высказать версию, что юный Вильгельм обладал аналитическим умом, отчасти самостоятельно познавая искусство властвования унаследованным феодалом.

Первым законодательным актом нового правителя Нормандии стал ордонанс против виновных в убийстве, поджигательстве и грабеже, то есть умышленных действия такого рода. Во французском Средневековье такими людьми были не прозаические разбойники (которых тоже было немало), а феодалы всех рангов, одетые в рыцарские доспехи. Их своеволие на проезжих дорогах трудно описуемо даже в балладах той эпохи.

После обнародования такого ордонанса правитель Нормандии со всей строгостью тогдашних законов повелел своим верноподданным сложить оружие, то есть сдать его властям в назначенные сроки. Оружие и воинские доспехи осели в замковых хранилищах-арсеналах герцогских замков, став частью его личной собственности. Таким образом, многие мятежники из числа баронов и их слуг получили желанную амнистию.

Одновременно с таким указанием герцога свыше даровалась амнистия участникам предшествующих «возмущений», благодаря чему многие жители из числа бывших мятежников вернулись к своим домашним очагам, превратившись из изгнанников и беглецов в добропорядочных мирян. Такие люди, естественно, пополнили число сторонников юного правителя Нормандии: они были обязаны ему лично многим. И потому бывшие мятежники, больше из рядовых подданных, теперь всегда были готовы с оружием в руках постоять за своего благодетеля.

Это сразу не понравилось родовитой чистопородной знати из числа соседей и, прежде всего, вассалам, многочисленным баронам. Сильный и крутой правитель Нормандии им был

совсем не нужен и опасен. Они тоже кичились друг перед другом собственной родословной, шедшей от скандинавских викингов. При этом они забывали, что наследником викингов являлся и их герцог. Довольно скоро нормандские бароны стали поднимать мятежи против своего сюзерена, пусть еще совсем молодого, но обладавшего герцогской короной и бывшего до поры до времени под покровительством короля Франции.

Вильгельм принял вызов, действуя поразительно решительно и победно. Но до окончательного умиротворения им Нормандии было еще далеко, и одними ордонансами, то есть нововведениями в законодательстве, успокоить герцогство было нельзя. Юный обладатель герцогской короны, воспитанный в духе рыцарской романтики, этого еще не понимал. В 1044 году Вильгельм едва не стал кровавой жертвой заговора местной аристократии, среди участников которого оказался друг его детства и дальний родственник Ги (Гвидо) Бургундский. Измена друга, известного своим честолюбием, «внесла коррективы» в миропонимание герцога.

Этот заговор был составлен герцогскими вассалами западной Нормандии. Считается, что его организатором являлся Рауль Тэссон, барон Сингле, главный замок которого находился в Тюри (ныне – Тюри-Аркур). Он вместе с другими заговорщиками поклялся «нанести удар Вильгельму» и заменить его на герцогском престоле «послушным» Ги Бургундским. Они связали себя взаимной словесной клятвой, известной в истории с давних пор.

Тот заговор имел широкое распространение. К нему даже примкнули виконты (должность их уже была наследственной) Нижней Нормандии из Бессена и Комантена – Ренуф де Брикессар и Неель де Сен-Совер, которому юный герцог поручил защиту южных и западных границ своих владений. То есть это виконт получил от него значительный числом рыцарский отряд, не считая пеших воинов.

На протяжении почти всей своей жизни Вильгельм как герцог и как король еще много раз столкнется с изменами и заговорами против себя на обоих берегах пролива Ла-Манш. В том году он получил только первый подобный урок. Но этот урок он хорошо усвоил, поняв, что больше всего предадут самые близкие люди, на которых он полагался если не во всем, так во многом.

Заговорщики решили совершить нападение на 19-летнего сюзерена, когда он отправится поохотиться в район своей резиденции замка Валони неподалеку от виконства Сен-Совера. Вечером к нему постучался придворный шут Голь, который случайно подслушал разговор заговорщиков, намеревавшихся то ли убить, то ли похитить своего герцога. Шут кричал Вильгельму:

«Откройте, откройте! Где Вильгельм? Почему он спит! Если враги найдут его здесь, он не может скрыться из Котентена и не доживет до утра».

Вильгельм не стал требовать объяснений, быстро оделся, вскочил на коня и помчался по лесной дороге, стремясь покинуть территорию Котентена, который стал для него смертельно опасен. Добравшись до брода через реку Виру, он, не жалея лошади, поскакал в Фалезский замок, стараясь держаться берега моря. В Ри местный барон Губерт дал ему свежего коня и трех вооруженных сыновей в сопровождающие с советом не заезжать по пути ни в один город. В Фалез они прибыли без приключений.

Заговорщики, поняв, что их злодейский план раскрыт, бросились в погоню. Когда они, в свою очередь, добрались до Ри, местный владелец Губерт направил их по ложному следу, оказавшись, таким образом, действительным спасителем герцога Вильгельма Нормандского.

Заговорщики, как говорится, «остались с носом». Теперь им ничего не оставалось, как выступить открыто с оружием в руках против правителя, которому они в свое время дали вассальную клятву. Центром баронского мятежа стала Нижняя Нормандия к востоку от реки Орн, в то время как баронства Средней и Верхней Нормандии сохранили герцогу Вильгельму свою верность.

Первый «дружный» мятеж вассалов против юного герцога Нормандского случился в 1046 (или ранее) году. Тогда Вильгельму пришлось в первом в его долгой биографии бою биться как простому рыцарю. Мятежные бароны в тот год явно преувеличивали в собственных глазах свою значимость и силу, и потому были разбиты под стенами одного из замков. Укрыться за его стенами они не смогли и не успели, рассеявшись по округе. Лесными тропами уходили подальше, в собственные укрепленные жилища, наивно полагая, что люди герцога их там не достанут.

Первый бой был памятен для Вильгельма не столько одержанной победой (подобных викторий у него будет много), сколько тем, что он впервые показал «во всей своей красе» власть над подвластными ему нормандскими феодалами. И напомнил им, что он непременно станет на герцогском престоле подобием отца, Роберта Дьявола. Уже одно это страшило мятежных баронов.

Решающий и победный бой, по всей видимости (поскольку история не сохранила его описания), продолжительным не был. Хорошо организованная и устроенная рыцарская дружина герцога в конном строю смяла толпу баронов и их вооруженных слуг, которые после короткой рукопашной схватки бросились в разные стороны наутек. Часть мятежников, лишенных единоначалия, естественно, при преследовании попала в плен. Оттуда им пришлось выкупаться, поскольку такая процедура приобретения личной свободы являлась доходной статьёй герцогской казны.

После боя герцог Вильгельм устроил в замковой зале, освещенной десятками факелов, допрос мятежных феодалов, вернее, суд над ними. В будущем он не будет откладывать таких важных дел на завтра. И тут произошел случай, давший правителю Нормандии показать всю силу своего праведного гнева. Один из старых воинов (по своему положению сравнимый с мелкопоместным дворянином), вассал одного из мятежных графов, нарушивших присягу, данную Роберту Дьяволу перед отбытием того в паломничество в Святую землю, нагло бросил в лицо его сыну: «Я не намерен исполнять клятву незаконнорожденному!»

В диком гневе, на какую-то минуту потеряв самообладание, Вильгельм Нормандский приказал вырвать ему язык. Герцогские воины послушно, тут же в зале, на глазах у пленников-мятежников исполнили приказ повелителя. Воинственно настроенные вассалы, поднявшие оружие на своего господина, вмиг поостыли, поняв, что тот при всей своей юности крут на расправу. И что он может «отобрать» у непослушных его личной власти баронов не только какую-то часть тела, но и саму жизнь вместе с родовым имуществом, а баронское семейство сделать нищим.

Слух об этом быстро разлетелся по Нормандии, по его рыцарским замкам и торговым городским площадям. Там хорошо помнили герцога Роберта Дьявола, который таким образом не раз утверждал всю полноту, «самодержавность» своей личной власти над нормандцами. Слух разошелся и по Франции, залетев и в королевский дворец, и в замки аристократов. Было от чего призадуматься им, поскольку в герцогском семействе страны появилась еще одна, без всякого на то сомнения, сильная личность.

Вильгельм в тех событиях не надеялся на собственные силы, поскольку имел мало верных приверженцев среди нормандских феодалов. Он нашел верный выход из ситуации, попросив помощи у французского короля Генриха I, при дворе которого воспитывался и познавал науку жизни. В то время между династией Капетингов и нормандскими герцогами еще существовала традиционная дружба, основанная на взаимной военной и дипломатической поддержке. Такой союз был взаимовыгоден и крайне необходим.

Рыцарствующий монарх Генрих I, тоже большой любитель повоевать, быстро собрал большую армию собственных вассалов и не промедлил появиться на земле Нормандии. Он соединился с войском герцога у Аржансона. Их противники в лице бунтующих против герцогской власти феодалов тоже не сидели сложа руки, успев собрать под свои знамена примерно

20 тысяч всякого вооруженного люда, в том числе и наемников из других земель Французского королевства. Это была по тем временам огромная военная сила, лишенная должной организованности, единого командования и жаждающая добычи.

Во главе мятежных баронов, прежде всего из Нижней Нормандии, стал клан Ричардинов. Именно он вынашивал планы свержения с престола бастарда или, по крайней мере, разделить с ним реальную власть. Взбунтовался город-крепость Руан, столица герцогства, вознамерившийся вырвать у юного правителя торговые и иные привилегии для себя.

Так, еще юношей, Вильгельм Нормандский проявил себя как воин-рыцарь и лидер, как жестокий деспот, не прощающий прошлых обид, которые хорошо помнились им. Многие заинтересованные люди во Французском королевстве после решительного подавления баронского бунта в Нормандии поняли простую для них истину.

Во-первых, то, что в обширной прибрежной Нормандии появился не просто новый обладатель отцовского престола, а сильный военный вождь, который вскоре будет мечом удовлетворять собственное честолюбие;

Во-вторых, новоявленный герцог Вильгельм I будет правителем и соседом не только суровым, но и справедливым (в рамках той эпохи), и что он сумеет постоять за себя и за свою фамильную честь, а значит – и за своих людей, не позволяя соседям наносить им разного рода обиды.

Действительно, достигнув совершеннолетия, Вильгельм Нормандский начал укреплять личную власть в герцогстве, то есть в собственных, наследственных владениях. Он не только сурово карал непослушных, но и миловал тех, кто должен был исправно платить в его казну подати или служить в его войсках-ополчениях. То есть людей, нужных ему. Герцог рано показал себя рачительным, расчетливым хозяином огромного феодального владения.

Вильгельм I силой оружия не сразу покончил с междоусобицей своевольных баронов, готовых при случае объединиться против своего сюзерена. Тому было много причин. И прежде всего то, что нормандское баронство – местное рыцарство, как и прочее другое в пределах не только Французского королевства, отличалось многочисленностью, что позволяло им раз за разом демонстрировать немалую военную силу.

Будучи оваян громкой боевой славой, герцог стал наводить в Нормандии должный порядок. Он действовал старым и испытанным средством для подавления бунтов вечно мятежных баронов, хорошо помнивших свою родословную. После победы в долине Дюн близ Каэна герцог не промедлил с отдачей многих приказов по разрушению родовых замков тех своих вассалов, которые не только подняли против него оружие, а просто казались подозрительными в тайных помыслах и словах, произносимых за пиршеским столом. Здесь сын заметно превзошел деяния своего отца по прозвищу Дьявол.

Ко времени начала принуждения нормандского баронства к признанию его самодержавной, абсолютной власти герцог уже имел хотя и небольшое, но хорошо по-рыцарски вооруженное войско, которое отличалось известной преданностью к правителю. Это было несомненной заслугой Вильгельма Нормандского, который в войнах Средневековья заявил о себе как полководец, вошедший еще при жизни в когорту великих исторических личностей.

Испытания же сыпались на его голову одно за другим. С 16 лет его видели чаще в рыцарском одеянии, чем с герцогской короной на голове. С мечом же он не расставался всю свою жизнь, имея все основания опасаться за нее: тайных недругов и явных врагов Вильгельму Нормандскому всегда хватало, а «рыцари плаща и кинжала», то есть наемные убийцы», стояли недорого. К тому же тогдашние алхимики и медики хорошо разбирались в ядах.

Из истории Нормандии середины XI столетия известны три сильных баронских мятежа, которые в наше время назвали бы антиправительственными восстаниями. Первый из этих обширных мятежей спонтанно вспыхнул в 1047 году, и герцог, который только-только вышел

из юношеского возраста, понял, что одному ему с мятежными вассалами – нормандскими графами и баронами – просто не совладать.

Заговор 1047 года едва не закончился гибелью юного герцога во время охоты. Именно тогда верный шут Голь (Голе), случайно оказавшийся свидетелем клятвенного обещания гостей Ренуфа де Брикессара, виконта Бессена, предупредил своего хозяина о смертельной опасности, грозившей ему от рук казалось бы верных баронов. Вильгельм удачно ускакал от убийц, уже обнаживших оружие, и укрылся в собственном фалезском замке. Отсюда он стал действовать против заговорщиков, силы которых оказались значительными. Во главе мятежников стоял Ги Бургундский, граф де Брионн.

Тогда Вильгельм Нормандский лично обратился за помощью к своему воспитателю в лице короля Франции Генриха I. Тот не отказал своему верному вассалу на севере страны, поскольку и сам не раз оказывался в подобной ситуации. Считается, что монарх встал на сторону герцога по той простой причине, что тот являлся его вассалом, которого король обязан был защищать.

Рыцарствующий король выступил в карательный поход во главе небольшой рыцарской армии, соединившись с герцогским войском севернее реки Мюанс. В том же 1047 году Генрих I и Вильгельм нанесли мятежникам жестокое поражение в битве при Валь-эс-Дюне (Вал-э-Дюне, Долина Дюн), в десяти километрах от города Канна (современный департамент Кальвадос). Это была холмистая местность, по которой протекала река Мюанс.

О численности королевско-герцогской (франко-нормандской) армии нет никаких сведений. Более того, нет даже каких-то приблизительных цифр, от которых бы можно было оттолкнуться при расчетах. О мятежниках же нам известно, что отряд Рауля Тэссона состоял из 140 рыцарей. Считается, что на стороне графа Ги Бургундского могло быть до 600 рыцарей (не считая их оруженосцев и вооруженных слуг), до 800 пеших воинов.

Отряды графа Ги де Брионна двигались разрозненно. В таком виде они совершили переправу через реку Орн. Когда отряды мятежных баронов вышли на холмистое плато, там их уже ожидал противник. Противники перед началом битвы расположились напротив друг друга на расстоянии полета стрелы: в их рядах было какое-то число лучников. Это историками считается вполне вероятно, но не достоверно. В таком положении стороны могли хорошо рассмотреть друг друга.

Битва при Валь-эс-Дюне, в которой с обеих сторон сражалось примерно по две тысячи человек, началась с взаимных атак под боевые кличи. Отряд рыцарей сражался с таким же рыцарским отрядом. Общей свалки, по всей вероятности, не было: все сражение «развалилось» на поединки конных рыцарей.

Ожесточенная битва проходила на равнине Дюн неподалеку от Кана. Король и герцог решили уже в самом начале сражения завладеть инициативой и настойчиво начали атаковать вражеские позиции. Мятежники стойко и удачно долгое время оборонялись от смелых наскоков союзной рыцарской конницы, которую поддерживали стрелки из луков и арбалетов, пешие копьеносцы. Порой поле брани походило на рыцарские турниры с бескомпромиссными поединками, в которых победитель становился обладателем стальных доспехов, оружия и боевого коня побежденного.

Есть предположения, что исход битвы в Долине Дюн у Кана решила тайная дипломатия, основанная на тайных уговорах и обещаниях, на подкупе. В конце того дня ряд предводителей инсургентов неожиданно для мятежного войска перешли на сторону короля и герцога вместе со своими воинскими отрядами. Картина битвы сразу стала меняться, и исход баталии оказался предрешен. Много мятежников пало, еще больше казалось в плену, из которого, по традиции той эпохи, следовало выкупаться за хорошие деньги или даже за земельные владения с крестьянами на них.

В одном из эпизодов сражения французский король, прочно сидевший в седле, сильным и удачным ударом копья был повержен на землю вместе с конем. Генрих I не погиб в той рукопашной схватке, поскольку помощь пришла к нему сразу: в общей свалке его с боков и тыла защищали верные оруженосцы и рыцари королевского двора.

Как свидетельствуют хроники, король Генрих I храбро сражался в первых рядах французских рыцарей и был ранен в том сражении, но поле брани не покинул. Нормандцы, вернее средневековые поэты-трубадуры, прославили подвиг французского монарха в песнях, сложенных здесь же, в Валь-эс-Дюне, Долине Дюн. В этих поэтических творениях Средневековья пелось, как он бился с мечом в руках и побеждал мятежников, защищая собственную честь и достоинство своего вассала в герцогской короне.

Герцог Вильгельм I Нормандский тоже не менее доблестно сражался в той битве: в ней, по сути дела, решалась его судьба. Случайность не позволила ему в тот день пленить коварного виконта Ренуфа из Бессена, которому удалось спастись бегством, бросив на поле боя копье и щит. Только укрыться ему было негде, и это он осознал довольно скоро.

Победа союзников была упрочена переходом на их сторону рыцарского отряда в 140 человек во главе с Раулем Тэссоном: он «вовремя» вспомнил о своей клятве вассала, данной правителю герцогства, и о том, что женат на дочери одного из братьев матери герцога. Такой численности рыцарский отряд для того времени являлся немалой силой и мог действовать вполне самостоятельно.

Хронист Вас, родом с острова Джерси и учившийся в Канне, автор истории герцогской Нормандии, написанной на французском языке, так описал отношение Вильгельма к Раулю Тэссону:

«Рауль Тэссон со своими рыцарями держался несколько в стороне от главных сил мятежников, так что король Генрих не понял, был ли он их союзником или противником. Король спросил герцога:

– Вильгельм, кто те люди, чье вооружение так богато украшено? Знаете ли вы их намерения?

– Государь, – ответил герцог, – думаю, что они на моей стороне. Их возглавляет Рауль Тэссон, а у него нет никакого повода быть мною недовольным.

Завязалась битва. Тэссон, вернее – его рыцари сомневались в том, что надо поднять оружие на короля Франции и своего герцога. Они требовали, чтобы он отказался от данной мятежниками клятвы, взял назад свое слово:

– Всякий, кто поднимет оружие на своего сеньора, потеряет свой фьеф (то есть поместье). Мы этого не хотим...

В конце концов Рауль Тэссон перед самым началом битвы (а возможно, в ее разгаре) уступил настояниям своих рыцарей, у которых не было мотивов лишиться семейного достоинства ради герцогской короны для Ги Бургундского. Пришпорив коня, он поскакал галопом к герцогу, приказав своему отряду не следовать за ним. Инсценировка, как казалось со стороны, рыцарского подвига, когда одиночка бесстрашно мчался на врага, оказалась полной. Анжуец родом мчался вперед с боевым кличем своей баронской семьи:

– Тюри! Тюри!..

Тюри было родовым, главным замком Тэссонов. Подъехав к Вильгельму, Рауль ударил его рыцарской перчаткой и со смехом сказал:

– Вот, я избавился от своей клятвы; я поклялся ударить вас; теперь я сделал это, таким образом, я не клятвopеcтyпник. Пусть этот мой жест вас не оскорбляет.

После этого Рауль Тэссон поскакал к своему рыцарскому отряду и во главе его покинул ряды мятежного войска. Для свидетелей такого отступничества и потеря сильного числом союзника оказалось для баронов Нижней Бургундии тяжелым ударом. Но они, как люди мужественные, продолжили (или начали) битву.

Вильгельм весьма благосклонно отнесся к такому поступку здравого смысла в исполнении Рауля Тессена. Король и герцог видели, что на мятежников такого рода измена оказала самое деморализующее влияние: их предводители враз обеспокоились стойкостью в своих поубавившихся рядах. Они стали панически ожидать новых измен.

Рыцарствующий король Генрих I в битве едва не лишился жизни. Один из воинов Неля Сен-Севера (конный или пеший, неизвестно) ударом копья выбил его из седла наземь. Тот спасся благодаря прочности своей кольчуги. Монарха Франции, разумеется, добить не позволили рыцари, составлявшие его личную охрану в сражении.

Герцог Вильгельм тоже воодушевлял своих баронов в рыцарских доспехах личным примером. Он не раз демонстрировал безрассудство отваги одиночного бойца. Прославил же он свое имя в тот день рыцарским поединком с бароном Ардре из Байё из отряда виконта Ренуфа де Брикессара. Ударом меча, нанесенным сплеча, он пронзил его незащищенную шею «между горлом и подбородком...»

Победа при Валь-эс-Дюне упрочила положение правителя Нормандии среди его вассалов. После сражения число незаконно возведенных замков в герцогстве заметно уменьшилось. Одни из них сносились по суровым приказам Вильгельма, другие спешно разрушались своими хозяевами, опасавшимися опалы правителя. Некоторые бароны выдали герцогу заложников (старших или единственных сыновей), вновь произнеся вассальную присягу. Вчерашние мятежники дружно мирились с ним. Среди них оказался и виконт Ренуф, лишенный своих фьефов: он был назидательно прощен герцогом и продолжил службу господину.

Когда мятежники побежали к ближайшему броду через реку Орн, их преследовали. У этой переправы беглецам пришлось столпиться. Некоторые из них утонули, и их трупы, унесенные речным потоком, забили желоб ближайшей мельницы. Виконт Неель де Сен-Совер (бежавший с поля битвы одним из последних) был схвачен, закован в цепи и ножные кандалы и брошен в темницу в Руане. Там его вскоре нашли мертвым. Если верить хроникам, он оказался единственным пострадавшим из пленников.

Хронисты отмечают удивительную гуманность юного герцога к побежденным мятежным баронам. Милосердие его в тот жестокий век сегодня видится удивительным. Но, думается, в основе этого милосердия лежал трезвый расчет: не мог же он своими руками истребить немалую часть собственной военной силы. Ему надлежало вновь подчинить ее себе. Хронист-публицист Средневековья Вас так охарактеризовал эту мудрую умеренность герцога-победителя:

...Бароны помирились с герцогом.
Они клялись ему и так одаривали его,
Что он даровал и не отнял у них свое прощение
И позабыл о их предательстве...

Что касается Ги де Брионна, «знамени» баронского мятежа против юного герцога Вильгельма и его кузена по родословной, то нет упоминаний о его личном участии в битве при Валь-эс-Дюне. По своему положению его никто не обязывал участвовать в рыцарских схватках, и потому он вполне мог наблюдать за происходящим с какого-нибудь возвышенного места, в данном случае холма в Долине Дюн.

Ги Анжуйский удачно бежал в свой замок Брионн, окруженный каменной стеной и стоявший на острове, который разделял реку Риль на два рукава. Победитель Вильгельм гнался за ним, но беглецу удалось скрыться в надежном убежище. Кузен-предатель «прихватил» с собой в замок, как считается, и большинство собственных рыцарей и вооруженных слуг.

Большими денежными штрафами наказывалось мятежное руанское купечество. Герцог вполне милостиво отнесся к нему, прекрасно понимая, что от состояния торговли в Нормандии зависит и его собственное материальное благополучие. Купцы оказались благодарны судьбе:

герцог не отбирал у них имущество, недвижимость и товары, не бросал их в нищету. И, что самое главное, обращался с ними так, как будто между богачами Руана и ним лично ничего не произошло.

Современник битвы Вильгельм Жюмьежский писал о большом значении битвы при Валь-эс-Дюне в подавлении мятежа баронов Нижней Бургундии для утверждавшегося на отцовском престоле Вильгельма. Он восторженно восклицал в своем историческом труде, дошедшем до нас в первоизданном виде:

«Счастливая битва, когда в один день рухнуло столько замков, логовищ злодеев и преступников».

После битвы при Валь-эс-Дюне перед юным Вильгельмом не склонил голову разве что один «неразумный» Ги де Брионн. Герцог целых три года осаждал каменное убежище своего кузена на острове меж двух рукавов реки Риль. Замок Брионн был окружен грозно возвышающимися над округой стенами из камня, добытого в соседней каменоломне, а в центре возвышалась крепкая башня. Герцогу пришлось возвести кругом острова осадные башни, чтобы пресекать вылазки осажденных мятежников. Для сооружения башен были согнаны крестьяне из окрестных деревень и служители соседнего монастыря, ставшие на время послушными лесорубами и землекопами.

Ги де Брионн на протяжении трех лет грозил герцогу с высоты замковых стен. Вильгельм все это время не покидал долины реки Риль: вражеское гнездо находилось всего в сорока километрах от столицы Нормандии города Руана. Гарнизон и упорствующий до последнего хозяин Брионна капитулировали только в 1050 году, будучи сломлены голодом: блокада замка только ужесточалась, окрестности его были опустошены. И возможно, что за эти три года окрестные селения обезлюдели.

Показательно, что на мятежника Ги Бургундского не подействовали никакие уговоры осаждавшей стороны. Чего ему только не обещал герцог Вильгельм, почему-то благосклонно относившийся к человеку, отважившемуся занять его престол. Только одно условие капитуляции было неизменным: замок Брионн должен быть разрушен до основания и восстановлению не подлежал.

Герцог не стал брать сильный во многих отношениях замок на речном острове штурмом. Он взял его своим поразительным долготерпением. Падение неприступного Брионна удручающе и устрашающе подействовало на вольнодумное баронство и рыцарство Нормандии: герцог преподавал им хороший урок сурового властвования. Его хватка сравнивалась с хваткой бульдога.

Все ожидали казни несговорчивого Ги де Брионна. Но герцог поразил всех своим великодушным прощением самого упорного мятежника в его владениях. Поверженный мятежник, с которым Вильгельм был знаком с детства, был одарен свободой, хотя и лишился немалой части земельных владений. Ги де Брионн беспрепятственно покинул Нормандию и отправился в родную для него Бургундию, где герцогом стал его брат. Он там тоже прослыл мятежником-неудачником. После этого пути Вильгельма с ним не пересекались.

Напрашивается вопрос: почему герцог Вильгельм видел в баронских замках большое зло для себя и почему он так стремился их разрушать? Ответ на этот немаловажный для рыцарского Средневековья в Западной Европе вопрос дает все тот же Вильгельм Жюмьежский. Описывая баронскую смуту в Нормандии 1037–1042 годов, он сообщает:

«Когда герцог был ребенком, многие нормандцы, забывая о своей верности ему, почти повсеместно возводили земляные укрепления, которые должны были стать для них надежными укрытиями».

Баронский, рыцарский замок, возведенный без обязательного разрешения на то герцогом, в те годы виделся всем символом стремления к личной независимости от правителя Нормандии. То есть каждый такой «самострой» отдавал духом мятежничества. Возводились и

каменные замки, но это было доступно только самым богатым баронам и прочей состоятельной знати.

Разумеется, что далеко не все незаконно возведенные замки разрушались. В наиболее важных из них по местоположению и в приграничье ставились воинские гарнизоны, начальники которых подчинялись лично герцогу. Порой такие фортификации усиливались, достраивались. Бывшему владельцу в таком случае приходилось жить с семьей по соседству в бурге – укрепленном деревянном доме, вполне напоминавшем рядовой рыцарский замок той неспокойной поры.

Последствия битвы при Валь-эс-Дюне историки прошлого и современного оценивают вполне единодушно: она завершила объединение Нормандского герцогства. Феодалы (виконты, бароны, рыцари) разных его областей больше не высказывали сепаратистских устремлений, и тенденция возвращения к ним в летописи этой части Французского королевства больше не проявлялась.

...Вильгельм искал всевозможные пути замирения баронской Нормандии и упрочения герцогской власти в ней. Он прекрасно понимал, что одним оружием власть упрочить нельзя, чему было много примеров из жизни Франции. Исследователи до сих пор не сходятся во мнении, кто подсказал ему мысль об установлении в герцогстве так называемого «Божьего примирения». Проект его появился на свет в 1047 году.

Такое нововведение в системе герцогской власти было вызвано двумя основными причинами, побудившими 20-летнего Вильгельма обратиться к силе духовной, то есть к силе церкви, на которую он мог опереться не всегда.

Первая причина заключалась в том, что Нормандии грозила волна народных возмущений. Она вызывалась «небесной карой» за случившийся неурожай и эпидемию «священного огня», как тогда назывались «рожистые воспаления». От них пострадала большая часть Французского королевства, в том числе и герцогство.

Второй причиной стало появление в Нормандии ученого священника из Лотарингии по имени Ричард из Сен-Ванна, аббата-бенедиктинца из города Вердена. Этот человек, будучи «чужеземцем», добился заметного влияния на архиепископа Руанского, что повлекло за собой ряд изменений в области литургии.

Итогом таких духовных изысканий герцога стал созыв знаменитого в то время Канского собора. Место для его проведения – Нижняя Нормандия было выбрано по политическим мотивам. Город Кан, вне всякого сомнения, вошел в историю Средневековья благодаря проведенному здесь собранию высокопоставленных светских и духовных особ Нормандского герцогства.

Канский собор был собран в 1042 (или в 1047) году. Постановления, принятые на нем почти одиннадцать столетий назад, дошли до нас в шести рукописях. Текст одной из них озаглавлен «Соборный декрет о мире, обычно называемом Божьим перемирием, установленном герцогом Вильгельмом и епископами Нормандии».

Согласно решениям Канского собора, на земле Нормандии любые преступники строго наказывались за насилия, совершенные с вечера среды до утра понедельника и в церковные праздники. Наказаниями могли быть отлучение от церкви, денежные штрафы, изгнания сроком на тридцать лет. Что касается купцов и иностранцев, то их личная безопасность должна была соблюдаться круглый год.

Собор предписал священникам по воскресеньям и праздничным дням молиться за тех, кто соблюдал «Божье перемирие». От его исполнения освобождались в герцогстве только два человека – король Франции и правитель Нормандии: оба они по призванию являлись защитниками общественного порядка и закона.

«Божье перемирие», по своей сути, законодательно и духовно укрепляло в Нормандии герцогскую власть. Однако его исполнение сразу же натолкнулось на известное препятствие в

лице тех баронов, которые силой оружия присваивали в селениях и на дорогах то, что им не принадлежало.

Дело доходило до того, что священники порой для исполнения решений Канского собора собирали ополчения из крестьян своего прихода. В подобных случаях рыцарские отряды барона-разбойника в схватках истребляли плохо вооруженных селян-ополченцев. Такое, к примеру, случилось с ополчением, собранным архиепископом Эймоном из Буржа: рыцари перебили храбрецов из числа крестьян, которые решили покарать их за многочисленные разбои, грабежи и прочие обиды.

...Получив отцовский престол, Вильгельм озаботился положением на границах герцогства. Здесь у него уже был серьезный противник в лице графа Анжуйского Жоффруа Мартелла. Спорная территория была хорошо известна – графство Мэн.

В противостояние Нормандии и Анжу король Генрих I из династии Капетингов не вмешивался. Ему вполне хватало военных забот в отношении таких крупных феодалов Франции, какими являлись на то время Бургундия, Шампань и Блуа-Шартр. При этом Париж старался поддерживать в схватке за Мэн двух соседей равновесие сил, оказывая давление то на одну чашу весов, то на другую. Генрих I, как монарх феодально раздробленного государства, никак не желал усиления ни Нормандии, ни Анжу. В противном случае его династию вполне ожидали серьезные проблемы.

Такую политику короля Вильгельм Нормандский, думается, вполне понимал. Поэтому он не увидел ничего случайного в том, что в конце 1049 (или в начале следующего) года король пригласил герцога с его нормандцами для участия в маленькой войне против графства Анжу, обладатель которого вышел из вассального повиновения монарху.

Целью похода королевской армии и нормандского рыцарства был избран замок Мулиэрн, находящийся в современном кантоне Лонгэ. Сегодня от него сохранились только развалины на холме, окруженном рвами. Каких-то детальных подробностей той королевской операции (значительной она не смотрится) против взбунтовавшегося против его власти владетельного графа история не сохранила. Зато хронист Вильгельм из Пуатье (описывавший события по воспоминаниям нормандских воинов) донес до нас некое описание рыцарских подвигов молодого герцога Вильгельма Нормандского:

«...Говорили, что он превосходил всех умом, умением и силой. Король охотно советовался с ним, когда ему нужно было принять решение, предпочитая его всем другим советникам.

Его упрекали только в одном: в безрассудстве, с которым он подвергал себя опасностям и без колебаний вступал в бой при встрече с противником, когда при нем было всего десять воинов».

Описанию подвергся один из подвигов, совершенный Вильгельмом под замком Мулиэрн. Однажды он взял с собой только четырех рыцарей и отправился с ними на разведку. Неожиданно на дороге нормандцы столкнулись с вражеским отрядом из пятнадцати конных воинов. Герцог, не колеблясь, бесстрашно бросился в бой и ударом копья в бедро сбросил одного из анжуйцев на землю. Когда остальные ударились в бегство, пять рыцарей-нормандцев преследовали их несколько миль и взял в плен семерых воинов графа Анжу.

Граф Жоффруа Мартелл после вторжения в Анжу союзников в лице короля Франции и герцога Нормандии нанес им ответный удар. Войско анжуйцев вторглось в Мэн и захватило города Манс и Шато-дю-Луар, крепости Алансон и Домфрон. После этого был взят важный город Тур, где был пленен его владетель граф Тибо III Блуасский. Захватив, по сути, большую часть графства Мэн, воинственный Жоффруа Мартелл переходить границу Нормандии не стал.

Герцог Вильгельм вновь призвал нормандских баронов под свои знамена: осенью 1051 года его войско подступило к крепости Домфрон, которую защищал сильный гарнизон

анжуйцев. Нормандцы рассчитывали на фактор внезапности, но в их рядах нашелся изменник: он сообщил, что к крепости скрытно движется рыцарский отряд числом в пятьдесят человек во главе с самим герцогом. Домфронский гарнизон оказался готов к отражению внезапного нападения: ворота в надвратной башне оказались наглухо закрыты, а лучники бдительно стерегли подходы к ним.

Считается, что таким изменником являлся граф Вильгельм д, Арк. Когда началась осада Домфрона, он тайно покинул осадный лагерь, не испросив на то разрешения герцога. Но это только догадки современников, поскольку прямых доказательств предательства история не знает.

Вильгельм, призвав в союзники голод, был вынужден начать осаду замка, стоящего на скалистом уступе. Его укрепления состояли из каменной стены, окружавшей площадь в два гектара. Домфрон своим устройством внешне походил на крепость Арк. Герцог, при всей своей молодости и отсутствии достаточного опыта, сумел мастерски образцово начать осадные работы: считается, что с фортификационным делом, то есть с крепостной войной, Вильгельм Завоеватель был ознакомлен профессионально.

Герцог Нормандский вел осаду неприступного Домфрона в 1051–1052 годах. Были устроены осадные укрепления из земли и дерева в виде валов и высоких сторожевых башен. Конные и пешие дозоры днем и ночью стерегли крепостные ворота, дороги и тропы, ведущие к Домфрону. Ожидалось, что Жоффруа Мартелл подаст помощь осажденному гарнизону.

Граф Анжуйский действительно подошел к крепости во главе сильного, в основе своем рыцарского отряда. Граф бросил вызов герцогу по всем законам рыцарствующих военных вождей. Посланный им Гарольд имел встречу с герцогскими военачальниками Рожером де Монтгомери и Вильгельмом, сыном Осберна. Гарольд от имени своего господина сообщил им, что утром нормандцы будут атакованы, назвал масть боевого коня, описал одеяние и герб Жоффруа Мартелла.

Его собеседники сделали ответный рыцарский жест, назвав масть коня герцога и описав его одеяние и герб. Это было сделано с единой целью: предводители двух армий должны были в ходе битвы узнать друг друга и сойтись в поединке. При этом никто не должен был мешать им выяснять отношения между собой.

Однако такой поединок не состоялся. Когда граф Анжу выступил из походного лагеря к Домфрону, к нему прибыл гонец с тревожной вестью: король Генрих I во главе своей небольшой армии направляется к захваченному анжуйцами городу Туру, чтобы вернуть его графу Блуаскому, своему давнему союзнику.

Жоффруа Мартелл приказал своим войскам сниматься с походного стана и идти к берегу реки Лауры. Изменением ситуации решил воспользоваться герцог Нормандский: он с частью осадных войск двинулся на захваченный анжуйцами город-крепость Алансон. Расстояние до него составляло всего около пятнадцати лье, которые при хорошей организации марш-броска можно было преодолеть всего за одну долгую зимнюю ночь.

Внезапного нападения на Алансон не получилось: когда нормандцы подступили к городу, его защитники, анжуйцы и горожане, уже находились в готовности к бою на стене...

Весной 1052 года нормандцы вынудили гарнизон Домфрона капитулировать на милость победителя. Крепость и окружающие ее земли (часть графства Мэн) вошли в состав герцогства. Чтобы прикрыть Домфронт от возможных ударов анжуйцев, герцог приказал возвести в недалеком Амбриере пограничный замок, в месте слияния рек Майенны и Варенны.

...Военные поражения нормандской знати, исповедовавшие идеи прежней феодальной вольности, казалось, многому их не научили. Иначе говоря, аристократия Нормандии еще не «созрела» для полного повиновения властелину-бастарду. Среди графов и влиятельных баронов зрело недовольство усилением власти герцога, стремлением его подчинить своей власти все стороны жизни аристократии.

История не сохранила в хрониках свидетельств многих заговоров в Нормандии против ее правителя, герцогских наместников в лице виконтов и прочих начальствующих лиц. Вильгельм, еще в детстве познавший цену злему умыслу и предательству, по первым признакам решительно пресекал баронское недовольство. Таких людей он лишал средств к семейному существованию (отбирал поместья – фьефы), разрушал замки, лишал привилегий, изгонял из Нормандии, заточал в темницы. Карал мечом не часто, обычно разорял, что действовало на мятежников безотказно.

Известность получило дело Вильгельма Варленка, владевшего графством на юго-западной границе Нормандии. Он относился к родовой знати, являясь правнуком герцога Ричарда I, чем весьма гордился. В его рыцарской свите состоял юный Роберт Биго, тоже знатного рода, отчаявшийся в перспективе получения поместья и намеревавшийся отправиться на юг Италии, где тогда правили норманны. Там он хотел рыцарской службой где-либо добиться исполнения главного своего желания – получить надлежащий надел земли с крестьянами.

Однажды он пришел к своему сеньору графу Мортену и попросил отпустить его из свиты. Вильгельм Варленк, не желавший терять рыцаря, спросил юношу:

– Кто вбил тебе в голову такую идею оставить службу?

Роберт Биго ответил без всяких хитростей:

– Бедность, от которой я страдаю.

Граф Вильгельм Варленок многообещающе возразил ему:

– Если веришь мне, оставайся с нами, ибо через двадцать четыре дня в Нормандии наступит время, когда ты сможешь безнаказанно завладеть всем, что попадется тебе на глаза...

Немного времени спустя Роберт Биго по родственной протекции оказался на службе герцога, в его рыцарской свите. Тот, разумеется, нашел время лично побеседовать с новым человеком из своего повседневного окружения. Из беседы Вильгельм узнал о предложении, сделанном графом Авраншем своему рыцарю, пожелавшему удалиться от него.

Стало ясно, что в среде баронов готовится новый мятеж, душой которого является граф Вильгельм Варленк с герцогской родословной. Мотивы грядущих событий были понятны. Правитель Нормандии под благовидным предлогом вызвал к себе графа Авранша, и тому пришлось сознаться в предложении, сделанном одному из рыцарей собственной свиты.

Вильгельм Нормандский не стал карать человека, готовившего в его владениях новое баронское возмущение, новую смуту. Графу Авраншу был дан совет, звучавший как приговор:

– Ты решил нарушить мир, подняв в герцогстве мятеж, и вероломно лишить меня власти. Именно так ты заставил бедного рыцаря надеяться на возможность добычи. Но с Божьей помощью, на которую я уповаю, мир будет сохранен. Что же до тебя, уезжай из страны и не возвращайся, пока я жив.

Правнук легендарного герцога Ричарда I был в одночасье лишен поместья – фьефа и графских обязанностей. Ему пришлось покинуть Нормандию, и отправиться в поисках лучшей доли на юг Италии, в Апулию, где обитало немало выходцев из Нормандии. Из всей свиты Вильгельма Варленка теперь сопровождал один-единственный оруженосец. Ни один из рыцарей его фьева не последовал за своим уже бывшим хозяином.

С наследством изгнанного, теперь уже бывшего графа Авранша герцог поступил следующим образом. Он передал графство (управление им) своему сводному брату по матери Роберту, но он получил только часть освободивших поместий фьефа. Это была область Мортена. Остальные земли отошли под управление местного виконта.

Современники и историки, исследовавшие это дело, не нашли прямых доказательств подготовки баронского мятежа против герцога Нормандии. Возможно, такие сведения просто не сохранились. Поэтому их мнение о том известном в летописи Франции случае таково:

«Только за неосторожные слова герцог лишил власти Вильгельма Варленка, графа Мортена».

«Из-за одного только разговора граф Мортена был лишен своей должности и изгнан из Нормандии».

«За одно лишь слово граф был лишен всего имущества, а затем изгнан».

Ордерик Виталий, занимавшийся изучением биографии Вильгельма Завоевателя, считал, что тот, обладавший еще только одной герцогской короной, продуманно проводил политику утверждения личной власти среди отцовской родни. Он опасался родню не сколько из-за ее знатности, богатства и рыцарских свит, сколько за родословную. Для него, бастарда, каждый прямой потомок первого герцога Нормандии таил в себе прямую угрозу: такие люди могли на законном уровне оспаривать у него престол. Поэтому Ордерик Виталий около 1110 года записал в своем труде:

«Именно таким образом он (Вильгельм Нормандский) жестоко усмирил надменных родичей своего отца и окружил почестями скромную семью своей матери».

Более серьезным оказалось столкновение бастарда Вильгельма с другим отцовским родичем – дядей Вильгельмом Басюком, внуком герцога Ричарда I и графом О. Этот человек из семейства Ричардсонов прямо угрожал ему отобрать власть. Дело дошло до открытого военного столкновения: около 1050 года герцог осадил замок дяди и принудил его сложить оружие. Вильгельм Басюк был лишен родовых земель, разорен и изгнан из Нормандии.

Показательно, что самым действенным методом борьбы молодого герцога Вильгельма являлось его законное право отправлять в изгнание любого аристократа. При этом тот (и его семья) лишался фьефа, то есть земельных владений. Изгнанник далеко не всегда мог восстановить на новом месте свое прежнее положение, часто превращаясь в обыкновенного рыцаря-наемника. Семья же в изгнании бедствовала вместе с ним.

В данном случае судьба оказалась благосклонной к родовитому Вильгельму Басюку. Явившись к королю Франции Генриху I, тогда уже имевшему натянутые отношения с правителем Нормандии, внук герцога Ричарда I встретил хороший прием и получил... графство Суассон. От такого подарка его отношение к бастарду Вильгельму Нормандскому лучше не стало: Вильгельм Басюк вобрал в себя известную долю самонадеянности, что не могло сослужить добрую службу.

Тот же поместьями изгнанника распорядился следующим образом. Графство О было передано брату Басюка Роберту, другой брат, епископ Лизье Гуго, тоже сохранил расположение к себе правителя Нормандии. Так что большое семейство Ричардсонов большого недовольства решением герцога не высказало, а в итоге конфликта хозяина с вассалом один из крупнейших феодалов Нормандии оказался низложен.

Если военный конфликт с Вильгельмом Басюком выразился только в осаде замка владельца графства О, то столкновение Вильгельма Нормандского с Вильгельмом д'Арком, сыном герцога Ричарда II, больше напоминало маленькую феодальную войну времен рыцарского Средневековья. О ней мы знаем во многих подробностях из сочинения Вильгельма из Пуатье, источника, заслуживающего полное доверие. При этом четко просматривается позиция хрониста: неоспоримая правота действий герцога и сознательное очернение образа предводителя мятежников.

Дело обстояло так. Сын Ричарда II в 1038 году получил в качестве фьефа графство Талу в области О (Ко). Там он построил не просто крепкий замок, а настоящую крепость. Она представляла собой каменную стену с несколькими башнями, вход в которую шел под мощной квадратной надвратной башней. Крепость стояла на вершине обрывистого отрога в месте, где в реку Бетюн впадает речка Варена. То есть природа хорошо позаботилась о неприступности возведенного здесь фортификационного сооружения под названием Арк. Функционально оно больше всего походило на сильное пограничное укрепление.

После возведения такого феодального замка графство Талу стало называться графством Арк. Обладание такой мощной крепостью с достаточным гарнизоном придало Вильгельму д,

Арк веры в собственное могущество: он стал называть себя в грамотах «графом волей Царя Небесного». Король же Франции величал себя в документах «королем Божьей милости».

Хронисты свидетельствуют, что граф д, Арк то был открытым противником бастарда Вильгельма Нормандского, то тайным вдохновителем разных смут, мастером политических интриг. Его характеризовали в таких словах: «Этого презренного и вероломного отпрыска прославленного рода не мог сдержать ни Божий, ни человеческий закон».

Дело доходило до того, что граф, как верноподданный вассал герцога, не впустил (!) своего господина в собственный замок и отказал ему в военной помощи. Такое сразу бы разгневало владельца с титулом герцога. Но Вильгельм, осторожничая, не сразу призвал коварного Вильгельма д, Арка к должному повиновению, не сразу пошел войной на него.

В 1052 году герцог силой овладел замком Арк и поставил там собственный гарнизон. Так он «наложил руку» на замок дяди, который являлся не его прямой собственностью, а часть фьефа. Однако бастард Вильгельм по своей молодости недооценил графа д, Арка как своего противника. Тот подкупил герцогский гарнизон и возвратился в крепость, начав готовить ее к длительной осаде. Нанимались воины, свозились припасы, усиливались оборонительные сооружения.

Герцог узнал о случившемся, когда ехал по дороге на запад от замка. Его сопровождала небольшая рыцарская свита. Не слушая никаких советов, он повернул коня и поскакал к Арку. От бешеной скачки в его свите вскоре осталось на ногах всего шесть лошадей. Но и с таким числом всадников Вильгельм Нормандский переправился через реку Сену и оказался в области О, население которой в своем большинстве поддерживало графа. Те, кто этого не высказывал, подвергался ограблению людьми хозяина замка Арк.

Измена герцогского гарнизона посеяла панику среди тех, кто в Нормандии держал сторону Вильгельма. Его рыцари, находившиеся в те дни в столичном Руане, составили отряд в 300 всадников и поспешили на помощь герцогу. Этот отряд подступил к замку Арк, но слухи о численности вооруженных людей, собравшихся в нем, привел рыцарей в «шаткость», и они отступили от крепости в западном направлении.

Так герцог и встретился с рыцарским отрядом из Руана. Рыцари умоляли своего господина не спешить с активными действиями, а подождать подхода новых сил. Однако Вильгельм, сохранявший хладнокровие, ответил верным рыцарям:

– Когда они, изменники из гарнизона и графские мятежники, увидят меня, то не посмеют предпринять что бы то ни было против меня. Я напомию предателям о вассальской клятве, которую они давали мне с целованием креста...

Граф Вильгельм д, Арк, чувствуя собственное превосходство над бастардом Вильгельмом, вывел собранное им войско из крепости в поле, готовый вступить в битву. Но когда мятежники увидели герцога, восседавшего на коне в боевом рыцарском одеянии, то поспешили укрыться за крепостными стенами. То есть Вильгельм Нормандский не ошибался в том, какое впечатление производит он одним своим видом на мятежных баронов. Об этом хронисты писали не раз.

Один из них, авторитетный достоверностью исторической информации, Вильгельм из Пуатье, писал следующее: «Мы описываем события так, как они происходили, хорошо зная, что потомкам будет трудно нам поверить».

Уверенный в себе, герцог готов был пойти на штурм сильной каменной крепости. Замок был «доступен» идущим на приступ только с одной стороны, но находящуюся здесь надвратную башню защищал сильный отряд лучников. Башня имела несколько этажей, что позволяло встречать каждую вражескую атаку ливнем стрел. Поэтому от такого плана герцогу и его военачальникам пришлось отказаться сразу.

Вильгельм решил по опыту взятия замка Брионн заняться осадой, чтобы заставить мятежников сложить оружие измором, то есть голодом. Графу, как было известно, не удалось

за несколько дней запастись большими запасами провианта и фуража. Началась осада замка Арк. Войск в осадном лагере с каждым днем становилось все больше. Прибавлялось и боевых осадных машин: метательных, стенобойных.

Пока шла осада, в Нормандию вошла численно небольшая королевская армия Генриха I, который пришел на помощь сыну герцога Ричарда II, с которым находился в тайном сговоре, о чем Вильгельм узнал не сразу. Французов сопровождал немалый обоз, и поэтому они двигались вперед со скоростью самой тихоходной обозной повозки.

Когда королевская армия устроила себе походный лагерь у деревни Сент-Обен-ле-Коф, герцог Вильгельм во главе части своих войск покинул осадный лагерь под замком Арк, решил начать действия против тех отрядов королевских людей, которые отрывались в поисках провианта и фуража от главных сил. Или, говоря иначе, занимались грабежом местного населения и опустошением этой части Нормандии.

Однако такая тактика нормандцам успеха не принесла, хотя в конце октября 1053 года им удалось нанести поражение нескольким отрядам французов. Особенно чувствительной для герцога потерей стала гибель одного из лучших его военачальников графа Понтье Ангеррана II. Пока на удалении от осажденного замка происходили такие локальные бои, большой королевский обоз с провиантом сумел приблизиться к замку Арк и беспрепятственно со стороны осаждавших войти в него.

Король Генрих I удовольствовался таким большим тактическим успехом, продолжать войну с герцогом Нормандским не стал и отступил из его владений. Случившееся можно было соотнести с проигранным сражением в поле. Вильгельм не пал духом и лично возглавил осаду замка Арк. Он какое-то время жил в палатке под крепостными стенами врага, не раз участвуя в отражении вылазок осажденных, которые духом не падали.

Неизвестно, когда и почему граф Вильгельм д. Арк капитулировал. Можно считать, что это случилось в начале 1054 года. Возможно, к этому времени в замке подошли к исходу запасы провианта, или гарнизон уже голодал. За время длительной осады в крепости осталось немного воинов, среди которых оказались и французы, сопровождавшие королевский обоз: они не успели вовремя покинуть замок.

Вероломный дядя герцога сложил оружие перед племянником, против которого он поднял столь серьезный мятеж, опираясь при этом на прямую поддержку со стороны короля Франции. Хронист Вильгельм из Пуатье при виде капитуляции остатков крепостного гарнизона описал финал осады Арка в таких словах:

«Какое печальное зрелище! Какой плачевный конец; одни на изголодавшихся кобылах, копыта которых более не цокают по земле и не вздымают пыль; другие еще носят сапоги со шпорами, но больше не ходят на воинов; многие несут на согнутых от изнурения спинах седла своих коней; некоторые тщетно пытаются удержаться на ногах...»

Все ожидали сурового отношения герцога Вильгельма к побежденным мятежникам. Осажденные в Арке сторонники графа являлись к тому же еще и изменниками, клятвопреступниками. Но правитель Нормандии обошелся с ними так, как это было несколько лет назад при капитуляции Ги де Брионна. Он словно забыл о вероломстве родного дяди, отобрав у него только замок и графство, но предложив взамен «обширные и высокодоходные владения» в другой области герцогства. Более того, Вильгельм д. Арк не подлежал изгнанию из родной Нормандии.

Однако «раскаявшийся» побежденный не очень-то верил в милости своего племянника. Он предпочел покинуть с семьей Нормандию, отъехав к своему старому знакомому графу Булонскому Евстахию. При этом он опирался на известное расположение к себе короля Генриха I.

События вокруг замка Арк в 1053 и 1054 годах показали непрочность отношений Парижа и Руана в рамках единого государства. Пройдет несколько столетий, в течение которых Нор-

мандия, как английское владение, станет камнем преткновения между королевствами Франция и Англия, причиной нескольких длительных войн между ними. Но эта эпоха кровавых раздоров начнется после триумфального похода Вильгельма Нормандского на противоположный берег пролива Ла-Манш.

Современники тех событий связывали «ожившую вдруг неприязнь» между герцогом Вильгельмом и королем Генрихом I с историей появления завоевателей-норманнов на севере Франции. Причем эта неприязнь видится хронистами взаимной. Вильгельм Жюмьежский по этому поводу писал:

«С тех пор как норманны стали возделывать поля Нейстрии, французы привыкли желать им зла; они побуждали своих королей выступить против них, утверждая, что норманны силой отняли земли, принадлежавшие их предкам».

В XII столетии поэт-хронист Вас напомнит современникам о исторической вражде жителей английской Нормандии и остальной части Французского королевства. Об этом почитатель герцога Вильгельма Вас скажет в стихотворном «Романе о Ру», одном из литературных шедевров Западной Европы в эпоху рыцарского Средневековья:

Долго длилась и долго продлится
И, кажется, никогда не прервется
Вражда и непомерная зависть,
Что питают французы к Нормандии...

...Молодому герцогу Нормандии оппозицию в семье потомков герцогов Ричарда I и Ричарда II составили не только светские феодалы, но и люди духовных званий. Особенно опасен для него стал архиепископ Руанский Мальгерий, сын Ричарда II. Он был из тех иерархов Римской церкви, которые открыто, публично обвиняли бастарда Вильгельма в несоблюдении канонических норм. Дядя «пренебрежительно» не появился на свадьбе племянника с Матильдой Фландрской, что только усилило их враждебность друг к другу и «подлило масла в огонь».

Однако всем было хорошо известно, что сам Мальгерий отличался чрезмерной алчностью, растрачивал на личные нужды казну Руанского архиепископства, вел на редкость роскошный образ жизни, что никак не соответствовало его сану. Именно такая сторона жизни родного дяди позволила племяннику убрать дядю-«оппозиционера» с тернистого пути укрепления личной власти.

Дело обстояло так. Мальгерия обвинили в том, что он заключил сделку с демоном по имени Торе, который являлся к архиепископу по первому его зову. Верующие стали опасаться, что тот таким же образом начнет «вызывать дьявола, прочитав в книге магическую формулу». Герцог не стал брать под свою защиту такого крамольника из числа своей ближней родни, хотя сделать это он мог. И, таким образом, судьба «нечестивца» была решена.

На церковном соборе в городе Лизье, состоявшемся в 1055 году, в присутствии посланника (легата) папы Виктора II, архиепископ Руанский единогласно был признан недостойным сана и низложен. В защиту его не прозвучало ни единого слова.

Но это было еще полпобеды над церковной оппозицией. Вильгельм Нормандский настоял на том, чтобы на место изгнанного Мальгерия был избран его сторонник. Новым архиепископом Руанским стал монах из Фекана итальянец Мавреллий, человек, известный в церковных кругах Нормандии. Его избрание позволило снять накал отношений между герцогом и папством после свадьбы Вильгельма с Матильдой.

...В первые годы самостоятельного правления отцовским наследством вокруг юного Вильгельма сплотились те знатные нормандцы, которые были близки ему по духу и воинственности. И которые связывали свое нынешнее положение и будущее с верным служением своему

господину. Тот на них опирался, на них мог положиться, им мог довериться в трудную минуту. Круг этих людей истории известен.

Это были: друг непростого детства Вильгельм Фиц-Осберн (его подписи стоят на многих официальных документах Нормандии той поры), дальний родственник Роже II Монтгомери, виконт Йемуа (называвший себя «нормандским из всех нормандцев»), герцогский оруженосец Роберт де Гранмениль, клирик Гильом из Пуатье. Они будут спутниками и соратниками Вильгельма Завоевателя на долгие годы.

Победы над мятежниками, особенно в битве при Валь-эс-Дюне укрепили политическое положение Вильгельма не только в собственном феоде, но и во Французском королевстве. Герцогская власть возвращалась в прежнее положение, и она снова становилась самодержавной в пределах собственно Нормандии.

Не случайно хронист Вильгельм из Пуатье писал о победе над мятежным баронством следующее: «Эта победа наконец надолго прекратила внутренние войны в нашей области». Речь шла о Нормандии. Сильная власть герцога-венценосца обеспечивала спокойствие и мир в его владениях.

...Казалось, юный Вильгельм должен был до конца жизни благодарить за оказанную военную и моральную поддержку своего благодетеля, в чьем дворце он воспитывался долгих девять лет. Ведь Генрих I обнажил свой меч в его защиту, не требуя от герцога ничего, кроме будущей верности.

Однако в отношениях между королем и герцогом, монархом и вассалом в будущем произойдет иное. Возмужав, Вильгельм I Нормандский еще до того, как захватит силой оружия английский престол, станет проводить вполне независимую от венценосца Франции политику, и нечасто будет считаться с его мнением и мнением королевского двора. Хотя и будет порой на пирах в нормандских замках поднимать с усмешкой здравицы за короля Генриха I Французского.

До открытой распри герцога с королем дело пока не доходило, но веская причина тому все же была. И опять же в полном соответствии духу той феодальной эпохи. В те годы король-воин Генрих I женился во второй раз – на Анне, дочери великого киевского князя Ярослава Мудрого. Так рыжеволосая княжна стала французской королевой. Она, в отличие от первой жены Генриха I, подарила ему долгожданного сына-наследника.

В историю Франции супруга короля Генриха I из далекой богатой мехами и витязями Руси вошла под именами Анна Французская, Анна Русская, Анна Киевская.

Новая королева Франции, пообвыкнув в королевском дворце и выучив язык французский, окунулась в мир придворной жизни. Сейчас трудно сказать, чем не приглянулся Анне Ярославне молодой герцог Нормандский. Возможно, своим взглядом на нее, или непослушанием мужу, или своим все более и более независимым характером. Как бы там ни было, однажды королева дала Вильгельму I новое прозвище – Побочный, которое закрепилось за ним среди людей разных придворных званий.

При этом дочь великого князя Киевского, видимо, забыла о том немаловажном для истории случае, что ее прославленный делами предок, Владимир I Святославич, был сыном «рабыни» ключницы Малуши, одной из многих наложниц сына великого воителя Святослава, но не законной жены! Анне Ярославне на чужой земле следовало бы быть более осмотрительной в подобных поступках, не давать поводов для вражды влиятельных феодалов с ней лично и ее венценосным мужем.

Как бы там ни было, но правитель Нормандии очень быстро узнал о том, что при королевском дворе у него появилось новое прозвище – Побочный, которое больно ударило по самолюбию герцога. И он возненавидел Анну, королеву Франции, за ее язык. Свое недружелюбие друг к другу они не скрывали, что выражалось во взаимных колкостях.

Но, ради справедливости, надо сказать, что не данное ему прозвище стало поводом и причиной скорой вражды с французским монархом, и что не эта «деталь» взаимоотношений между герцогом Вильгельмом и королевой Анной вбила клин в отношениях между Нормандским герцогством и Французским королевством. Причиной стала так называемая всеевропейская распря, которая повергла континент в редкий для истории Европы круговорот военных событий.

Когда при дворе дружно заговорили о том, что герцог Нормандский по прозвищу Побочный открыто начал высказываться о своей нелюбви к королеве, ее муж, естественно, стал врагом обидчика Анны Французской. Случай продемонстрировать королю свое новое отношение к бывшему воспитаннику не заставил себя долго ждать. Дело обстояло так.

В Нормандии вспыхнул очередной баронский мятеж. На этот раз король Генрих I не встал на защиту герцога, а во главе королевской армии пришел на помощь восставшим вассалам правителя Нормандии. Причина такого, скажем, неординарного поступка монарха заключалась в том, что он хотел иметь покорного герцога Нормандии, а не воинственного человека, которого приходилось постоянно опасаться, уже не говоря о том, что он постоянно оскорблял на словах королеву.

Ни мятежные бароны, ни пришедший им на помощь король Франции не рассчитали собственных сил. К тому времени герцог Вильгельм I уже обладал собственной немалой (по меркам Западной Еволпы) армией, хорошо вооруженной, обученной и организованной, с железной дисциплиной, которая цементировалась суровыми карами за непослушание герцогу. Ни королевские рыцари, ни ополчение мятежных баронов такими достоинствами в междоусобной войне, к их несчастью, не обладали.

Враждующие стороны сошлись в битве у Мен-Обена. Герцог Вильгельм в той непростой для него ситуации смог навязать королю и его союзникам сражение в чистом поле, хотя они имели хорошую возможность укрыться за крепостными стенами. Герцогское войско решительно атаковало неприятеля, нестройные ряды которого перед этим поредели от метко выпущенных стрел лучников и стрелков из арбалетов. Мятежные бароны и королевское рыцарство стойкости в рукопашной свалке не проявили, обратившись в бегство от Мен-Обена. Их преследовали, рубили и кололи, брали в плен. То есть разгром побежденных оказался более чем полным.

Большое бесчестье получил сам король Генрих I. С немногочисленными рыцарями и воинами он бежал из Нормандии в Париж. Герцог Вильгельм поступил вполне разумно, что не стал преследовать венценосного противника столь далеко. В противном случае он наверняка мог получить в ответ враждебную коалицию других герцогов Франции, королевских вассалов.

Поражение в сражении у Мен-Обена дорого обошлось королю Генриху I. Почувствовав его видимую слабость, против его власти восстали вассалы в значительной части Франции. Феодалы не помышляли уничтожить своего законно монарха, желая лишь заметно урезать королевскую власть над собой. Теперь венценосец Генрих I Капетинг только и делал, что воевал: ходил в походы на мятежников, осаждал их замки и города-крепости. Но и самому тоже приходилось не раз обороняться от врагов.

После победной битвы при Мен-Обене герцогу Вильгельму I пришлось еще долго и часто воевать против собственных графов и баронов. В те годы казалось, что во Французском королевстве вассалы всех рангов поднялись с оружием в руках против своих сюзеренов, больших и менее значительных. Мятежи следовали один за другим – то в Нормандии, то в Бургундии, то в Бретани, то в Гаскони, то в Провансе, то в Аквитании, то во Фландрии...

Французский король и правитель Нормандии вновь стали на время союзниками. Выжить в мятежной стране и сохранить прежнюю власть они могли только объединившись. Тайная дипломатия процветала, и вчерашние недруги публично и делами демонстрировали дружбу и добрососедство. Но все это было временно: такие союзы рассыпались после первой неудачи.

В 1048 году Генрих I призвал Вильгельма I оказать ему помощь в «маленькой» войне с Жоффруа Мартеллом, графом Анжуйским. Так герцогство Нормандия оказалось вовлеченным в тяжелую, а самое главное – длительную войну с анжуйцами, которая продолжалась до 1054 года, то есть шла семь неполных лет.

Теперь герцогу Нормандскому приходилось осаждать и брать штурмом не только феодальные замки, но даже укрепленные города, которые в ту эпоху больше напоминали каменные крепости с многочисленными гарнизонами из городских ополчений. Однажды Вильгельму I пришлось вести осаду большого мятежного города Алансона, жители которого хорошо подготовились не только к осаде, но и к активным военным действиям. Готовый к «возмущениям» Алансон осаждался не раз.

Алансонцы успешно отразили первый приступ войска герцога, который решил взять город без долгой «правильной» осады. Вооруженные горожане, ликующие от первой победы, уверенно ходили по городским стенам, с их высоты высмеивая и словесно издеваясь над своим правителем и его людьми. То есть, картинка смотрелась весьма обыденная для лет феодальных распрей Средневековья.

Горожане в ходе штурма пленили нескольких воинов герцога Вильгельма (или, что вполне вероятно, им достались тела убитых). Они были казнены, и два веселых алансонца на стене стали размахивать руками, которыми держали драные куски кожи, и кричать осаждавшим: «Кожа! Кожа!»

По другим сведениям, эти два горожанина с такими же криками колотили (руками или мечами?) по принесенным на стены шкурам. Тем самым осажденные алансонцы напоминали самолюбивому герцогу о кожевенном ремесле его деда.

Такая картина на крепостной стене и несшиеся оттуда оскорбительные крики вывели герцога из себя. Разъяренный Вильгельм приказал воинам вывести перед городскими стенами всех алансонцев, которые по разным случаям оказались у него в плену. Воинам было приказано вершить казнь над ними на виду всего города: сперва отрубались руки и ноги, а затем головы.

Все это демонстрировалось осажденным, густо толпившимся на крепостной стене. Горожане, казалось, замерли, смотря на то, как уходили из жизни их родные и близкие, просто знакомые люди. После такой публичной казни герцогские пращники перебросили кровавые члены в город, вызвав в нем панику.

Видя страшное замешательство в стане мятежных горожан, герцог послал свое войско на новый, но уже более яростный штурм. Они взяли укрепленный город Алансон и разграбили его, перебив много людей. Вильгельм Нормандский приказал разыскать тех двух веселых алансонцев, которые кричали со стены «Кожа! Кожа» и тыкали в его сторону руками. Но их не нашли, поскольку оба пали в бою, избежав тем самым страшной казни, которая уготовлена была им герцогом.

По другой версии, герцог Вильгельм, еще не остывший от нанесенного ему оскорбления, после штурма и взятия Алансона приказал привести к нему тридцать два защитника замка, которые были схвачены на стене, и отрубить им руки и ступни. Искалеченные таким образом алансонцы (или люди графа Анжуйского) были отпущены куда глаза глядят «в качестве примера» тем, кто вздумает насмеяться над правителем Нормандии.

Как утверждают хронисты, крайняя жестокость была несвойственна бастарду Вильгельму Завоевателю. Такие случаи действительно редки в его герцогской и королевской биографиях. Однако алансонский случай описан едва ли не во всех биографических трудах о Вильгельме Нормандском. В одних им восторгаются, в других не приветствуют такую жестокость, обычную для той эпохи.

...Наведя должный порядок в герцогстве (но не сразу и с большими ратными трудами), Вильгельм Нормандский пожелал расширить свои и без того немалые владения. Но занялся он этим делом только после того, как окончательно «добил» своих противников в собствен-

ном феодальном уделе: графы и бароны окончательно замирились, недавние мятежные города исправно стали выплачивать наложенные на них огромные «штрафные» подати.

Дороги в Нормандии стали безопасны и для купцов, и для простолюдинов, чего давно не наблюдалось. Вновь оживились торговые причалы в портовых городах. Стала заметно полниться герцогская казна, поскольку сборы от торговли пошли в гору. Хозяева замков устранили разрушения в их укреплениях, разумно не прекословя любому повелению сюзерена.

Историки потом скажут, что где-то к 1050 году герцогство Нормандия «объединилось» и «замирилось», то есть против власти герцога никто не поднимал ни рыцарского меча, ни дубины. Для Западной Европы XI столетия с ее жестокими нравами такая картина вполне выглядела идиллией. Теперь герцог Вильгельм мог подолгу жить в городе Руане, столице Нормандии, отдыхая от военных забот и ратных трудов. Но со своим рыцарским мечом он и не думал расставаться.

Вильгельм I совершает несколько чисто завоевательных походов в соседнюю Бретань и в провинцию Мэн, лежащую к югу от Нормандии. Местные феодалы спайкой не отличались, равно как и желанием сражаться за соседа, во владения которого вторглись нормандцы. Больших сражений не случилось, города обычно открывали свои ворота и отдавались на милость развоевавшегося герцога Вильгельма. Иначе говоря, откупались без пролития крови.

Гарнизоны рыцарских замков тоже не отличались стойкостью и желанием держаться в осаде до последнего воина. Они просто «меняли место службы», то есть хозяина, платившего им хорошее, еще большее жалованье. И не скупившегося на обещания, которые зачастую забывались сразу же после достижения желаемого. Казна Нормандии в те годы позволяла «покупать вражеские гарнизоны», начиная с их начальников и кончая рядовыми воинами, самыми малооплачиваемыми из которых являлись лучники и пращники.

Покорив Бретань и область Мэн (на которую претендовал граф Жоффруа Анжуйский), герцог Вильгельм I умерил свои амбиции на Европейском континенте, то есть в пределах современной Франции. Вне всякого сомнения, он поступил весьма благоразумно, поскольку беспредельно увеличивать собственные территориальные владения за счет ему подобных феодалов становилось для него все более и более смертельно опасно. В коалиционной войне против Нормандии Вильгельм победить не мог.

Развоевавшись, он, на свое счастье, быстро осознал, что ему, если и дальше отбирать у соседей деревни с крестьянами, торговые городки и разрушать замки местных феодалов, придется столкнуться с коалицией воинственных аристократов против герцогства Нормандии. Это была серьезная угроза для герцогской короны, которую можно было запросто и потерять вместе с брэнной жизнью. Поучительных примеров владелец Нормандии знал немало, и не только из истории, а еще и из настоящего времени.

Такая коалиция крупных феодалов Франции действительно стала создаваться, но «вызреть» не успела. Вильгельм I, «почувствовав» такое дело, дальше Мэна никуда в поход не пошел, успокоив, таким образом, и своих многочисленных недоброжелателей, и королевский двор, который со все возрастающей тревогой взирал на необузданного герцога Нормандского. Тот на глазах у всех из юного рыцаря-романтика при всем своем даровании полководца европейского Средневековья превращался в расчетливого венценосца средней руки.

...Когда Нормандия внешне «замиралась» и местные бароны на какое-то время утихомирились, Вильгельм решил, что ему пора создавать семейное гнездо, чтобы иметь наследника (или наследников), чтобы его род имел продолжение. Герцог-холостяк, покрывший свое громкое имя рыцарской славой, виделся всем завидным женихом. Собственно, так оно и было. Невест ему сватали уже не раз, но безуспешно: воинственному феодалу «все было некогда обзаводиться семьей». К тому же ему исполнилось уже двадцать лет, по тому времени он считался женихом уже «залегавшимся».

Разумеется, его супругой могла быть только аристократка, знатностью и положением не ниже его самого. Вильгельм по личному опыту знал, что такое быть среди французской знати сыном большого феодала и матери, при всех ее достоинствах и красе, вышедшей из семьи пусть и богатого, но простого горожанина. Он не хотел, чтобы его сын (или сыновья) повторили отцовский путь в юности.

Думается, что наследник Роберта Дьявола знал всех подходивших ему невест в округе своих владений наперечет. Выбор же пал, пусть и не сразу, на Матильду, дочь Балдуина, графа Фландрского. Фландрия тогда являлась одним из самых больших феодалов Французского королевства, а местные мастера-горожане сделали очень многое для торгового и ремесленного процветания графства, что и закрепилось за Фландрией в будущие столетия. Непустующая графская казна позволяла Балдуину обладать значительной военной силой и оказывать финансовую помощь будущему зятю.

Хронист Средневековья Вильгельм Жюмьежский, донесший до нас рассказ о сватовстве Вильгельма Нормандского к дочери правителя Фландрии, в своем писании сказал так:

«Узнав, что у Балдуина Фландрского была дочь по имени Матильда, происходящая из королевского рода, прекрасная телом и благородная душой, он, выслушав мнение своих советников, попросил ее руки у ее отца».

Разумеется, герцог мог найти себе невесту в семьях других европейских монархов: сам он видится в истории завидным женихом. Но советники убедили его в том, что «предпочтительнее породниться с соседними государями, и этот выбор определяется серьезными причинами».

Сватовство преследовало, прежде всего, политические цели. Сильная Фландрия могла стать полезным союзником на будущее: с начала XI века между ней и Нормандией не было пограничных сложностей и прочих военных конфликтов. Обе стороны вели активную торговлю, прежде всего на рынках Лондона. Союзничество купечества Нормандии и Фландрии в торговых делах, в ценообразовании на самые различные товары могло пополнить кошельки не только самих купцов-мореходов, но и казну их правителей.

В крови Матильды Фландрской текла кровь самого Карла Великого. Кроме того, она по своей матери, Адели, была внучкой короля Франции Роберта Благочестивого и племянницей правящего монарха, Генриха I. Вильгельму Нормандскому расположение французского монарха было крайне желательно: он не хотел враждовать со своим сюзереном, который шаг за шагом набирал вес в собственном королевстве.

Обретение такой жены с целым «букетом благородных голубых кровей» для бастарда Вильгельма видится в известной мере делом чести. К тому же девица была красива, воспитанна, добродетельна, умела вышивать и была грамотна. Она могла вполне украсить герцогский замок в Руане и сделать жизнь рыцарствующего супруга счастливой, подарить ему наследника родового престола.

Поначалу сватовство нормандского правителя успеха не имело. Родители девушки, вероятно, видели себе иного зятя. Возможно, Вильгельм уже успел чем-то сильно обидеть правителя Фландрии, но, во всяком случае, граф Балдуин в отношении сватовства принял удивительно жесткую позицию. Его не сломила даже перспектива превращения любимой дочери из графини в герцогиню и союз с Нормандией, тоже северной областью королевства. По одной из версий, Матильда сама с презрением аристократки отвергла сватовство бастарда.

С другой стороны, исследователи не видят в личности Балдуина Фландрского в истории со сватовством к его дочери человека чрезмерных желаний. Скорее всего, он уже не раз конфликтовал со своим будущим зятем и, по всей вероятности, натерпелся от него немало личных обид, а фламандцы – «мелких» военных поражений. Ясно здесь только одно: на территорию графства войска Вильгельма I и его вассалов не заходили.

Вильгельм, получив оскорбительный отказ, не отступился и решил действовать вполне в духе того времени, но далеко от рыцарских традиций и романтики. Он в сопровождении

нескольких верных людей тайно прибыл во Фландрию, в город Брюгге. Там в то время в «полной безопасности» находился граф Балдуин вместе со своим семейством. Здесь герцог и совершил, скажем прямо, дерзкое хулиганское нападение на свою будущую жену. Громкое дело, ставшее достоянием французской истории Средневековья, обстояло так.

Герцогу удалось сохранить инкогнито своего появления в Брюгге. Думается, при больших деньгах такое проблемой для него не стало. Он сумел подстеречь Матильду на церковной паперти, когда в ее окружении не оказалось вооруженных людей. Она только-только вышла из церкви, как подскочивший Вильгельм схватил ее и бросил девушку в грязь, после чего нанес ей несколько сильных ударов. Нападение закончилось тем, что сын Роберта Дьявола вскочил на подведенного ему коня и «быстро удался» из города Брюгге и из самой Фландрии. «Хулигана» или не догнали, или не пытались догнать: о том хронисты умалчивают.

От понесенных побоев юная графиня «сделалась больна», то есть слегла в постель. В таком плачевном состоянии Матильда объявила своему отцу, который уже строил самые заоблачные планы мести обидчику своего семейства, что выйдет замуж только за герцога Нормандии! И больше ни за какого аристократа королевства. Граф Балдуин пусть и не сразу, но, в конце концов, сдался на уговоры дочери.

Маленькая война между Фландрией и Нормандией в итоге бурных сцен с потоками искренних слез в девичьей спальне Матильды так и не состоялась. Впрочем, такая война в эпоху феодального Средневековья ничего особенного из себя бы не представляла: рядовой случай, рядовая распря феодальной аристократии. И не более того. Хронисты Западной Европы раздувать ее не стали бы, ограничившись скупыми строками в своих трудах.

В одной из хроник, но уже не XI, а XIII столетия история сватовства Вильгельма описана совсем иначе. Герцог выглядит куда более благородным. Когда ему, бастарду, передали слова Матильды, он, оскорбленный, вскочил на коня и во весь мах помчался в Лилль (далековато от Руана!), ворвался в зал графского замка, накинулся на юную девицу, повалил ее на пол и располосовал шпорой ее платье. После такого обхождения строптивая фламандка, укрощенная таким манером, признала Вильгельма своим повелителем, отдав ему свою руку и сердце.

Вполне романтическая история рыцарского Средневековья, достойная пера хрониста, преклонявшегося перед личностью Вильгельма Завоевателя. Таких историй, в которых трудно отделить надуманное от истины, о нем спустя не одно столетие будет написано немало. Может даже показаться, что хронисты-романисты соревновались между собой в освещении нюансов женитьбы будущего Вильгельма Английского.

Историки все же считают, что у якобы «несговорчивого» графа Балдуина V был прямой резон породниться не с каким другим обладателем огромного феода, а именно с герцогом Вильгельмом Нормандским. Суть крылась в военном конфликте Фландрии с английским королем Эдуардом Исповедником, который встал на сторону германского императора Генриха III во время конфликта последнего с Фландрией. Французский историк Мишель де Боюар по этому поводу высказался так:

«...Эдуард активно поддержал императора Генриха III во время его столкновения с Балдуином V; он отправил флот грабить фламандское побережье и устье Шельды.

Таким образом, графу Фландрскому, оказавшемуся между двух огней, было важно примириться с королем Англии. Он не мог найти для этой цели лучшего посредника, чем Бастард, отец и дед которого дали приют в Нормандии принцу Эдуарду во время его изгнания, длившегося четверть века».

...К этому можно добавить еще и то, что Вильгельму Нормандскому стоило трудов добиться от папы римского Льва IX разрешения на брак с Матильдой, дочерью графа Фландрии. Жених имел родство с невестой то ли в шестом, то ли в четвертом колене (?): генеалогическая путаница по сей день не позволяет исследователям точно определить степень родства.

Церковь накладывала запрет на такие браки. Папское разрешение все же было получено, но с известным запозданием.

Брак герцога Нормандского с Матильдой Фландрской в те годы наделал много шума в семействе монархов Западной Европы. Церковный собор (около двадцати епископов и пятидесяти аббатов) в октябре 1049 года в немецком городе Реймсе под председательством папы Льва IV объявил этот супружеский союз «кровосмесительным». Вильгельм и Матильда, как высчитали в окружении папы римского, являлись потомками легендарного Роллона, герцога Нормандии, были кузенами в пятом поколении.

Собор в своем постановлении запретил графу Балдуину Фландрскому выдавать свою дочь за герцога Нормандского, а тому – жениться на своей избраннице. Но два правящих рода Нормандии и Фландрии не «откликнулись» на решение Реймского собора.

Такой «грешной» ценой герцог Вильгельм I добился права получить руку (вместе с богатым приданым) графини Матильды, которая считалась завидной невестой. Граф Балдуин V Фландрский помирился с состоявшимся зятем, и они стали не просто родичами, но еще и союзниками. Свадьба, по-рыцарски пышная, состоялась, по всей видимости (точных сведений нет), в 1051 году, в замке Эв. На ней присутствовал цвет французской аристократии, но, вероятнее всего, не было ни одного священнослужителя.

Стороны обговорили условия заключения брачного союза: это был династический брак. Нормандское посольство встретило Матильду с отцом на границе герцогства, у замка Эв. После свадебных застолий (хроники говорят, что большого числа знатных людей на свадьбе не значилось) новобрачные отправились в столицу Нормандии город Руан.

Там их встречали с радостью и цветами: свадьба правителя стала для руанцев хорошим поводом для праздничного настроения и веселых застолий. В таких случаях виновник торжества выставлял или оплачивал вино и прочее угощение для простого люда, в данном случае для горожан. Вильгельм в подобных случаях не скупился и был необычайно щедр, заботясь о собственном имидже в народе.

Исследователи считают, что герцог не просчитался в выборе невесты: они долгое время были счастливы, семья отличалась крепостью, жена подарила мужу не одного наследника и на многое из его супружеских проделок закрывала глаза. Однако исследователи сходятся в мысли о том, что герцог сохранял безупречную верность своей избраннице: после себя он не оставил ни одного бастарда! Для той эпохи это было крайне редким явлением для владельцев больших феодалов.

Супруги имели, как считается, десять детей, о некоторых из них история знает крайне скудно. Сыновей было четверо, трое из них были старшими детьми – Роберт, Ричард и Вильгельм. Дочерей звали: Алиса, Агата, Констанция, Адель, Сесиль и Алисон. Некоторые из детей умерли в раннем детском возрасте. О судьбах дочерей Вильгельма и Матильды история донесла до нашего времени самые скудные сведения: хронисты той эпохи не баловали своим вниманием даже супругу Завоевателя Англии.

Семейная жизнь продолжалась тридцать два года. Герцогиня, а потом королева Матильда стала до последних дней верной спутницей Вильгельма I Завоевателя. Он не раз доверял жене ведение важных политических дел, считая ее соправительницей на английском престоле. К такому раскладу ведения государственных дел в семействе правителя со временем было приучено его окружение, и потому каких-то недоразумений не возникало.

Она фактически правила и Нормандией, и Англией во время долгих отсутствий мужа и в Руане, и в Лондоне. Он всегда отсутствовал на троне по самой уважительной причине рыцарского Средневековья: воинственный Вильгельм часто воевал по обе стороны пролива Ла-Манш. Таково было его время и бремя венценосца. Воевать же сын Роберта Дьявола не уставал до последнего года своей жизни.

О самой Матильде истории известно немного. Хронисты и исследователи сходятся в одном: дочь графа Фландрии была типичной половиной домов больших феодалов той эпохи. Она увлекалась охотой (сама из лука в диких зверей не стреляла) и верховой ездой, имела крепость духа и тела, отличалась неистовостью, имела право на собственное суждение при муже и была любимой и любящей матерью.

Один из историков XX века, француз Поль Зюмтор, по поводу судьбы Вильгельма Завоевателя и королевы Матильды заметил следующее: «Ничего романтического в жизни этой супружеской пары не было». Скорее всего, оно так и было.

...Вильгельм I действительно был смышленным феодальным владельцем, да еще к тому чрезмерно честолюбивым, готовым пойти на все возможное и невозможное для утверждения собственного величия и расширения наследованного герцогства. Был человеком деятельным, желавшим много воевать во славу своей короны, ходить в победные походы, сражаться рыцарски не только на турнирах и побеждать, побеждать, побеждать...

Добившись руки графини Матильды Фландрской, герцог потерял другую руку – королевскую. В том же 1056 году он окончательно расстроил свои, казалось бы, крепкие отношения с недавним сильным покровителем в лице французского монарха. Генрих I, обеспокоенный постоянным усилением своего воспитанника и уже прежнего союзника, вознамерился привести его в должное повиновение. Король стал собирать воинские силы для похода в Нормандию, что секретом за семью замками ни для кого не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.